

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Самаркандский государственный университет

**Исторический факультет
Кафедра историографии и источниковедения**

Квалификационная итоговая работа
для получения академической степени бакалавра
по направлению 5120300 – История

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧНЫХ ОБЩЕСТВ УЗБЕКИСТАНА
В ТВОРЧЕСТВЕ Б.В.ЛУНИНА**

Выполнил: студент 405-группы Саидов Ислом

Научный руководитель – к.и.н., доц.Раджабова Д.Н.

**Квалификационная итоговая работа выполнена на кафедре
историографии и источниковедения. Обсуждена на заседании кафедры
_____ 2016 года и рекомендована к защите (Протокол № ____)**

**Декан факультета
Зав.кафедрой**

**доц.Холматов Н.У.
доц.Эргашев Б.Э.**

**Квалификационная итоговая работа защищена
на заседании ИГАК _____ 2016 г.
И оценена на _____ % (протокол № _____)**

Председатель ИГАК

Члены ИГАК :

Самарканд – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....

ГЛАВА I. НАУЧНО-ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛУНИНА

**I. 1. Жизнь и творчество Б.В.Лунина – как яркий образец служения
исторической науке**.....

**I. 2. Деятельность научных обществ Узбекистана
в творчестве Б.В.Лунина**.....

ГЛАВА II. БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУНИН – СОЗДАТЕЛЬ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ, ИСТОРИИ НАУКИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

**II. 1. “Средняя Азия в научном наследии отечественного
востоковедения” – как основной источник по изучению
историко-культурного прошлого Центральной Азии**.....

**II. 2. Библиографические очерки Б.В.Лунина –
своеобразный ретранслятор ориенталистики
между XIX и XXI вв.**.....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Список использованной литературы

ВВЕДЕНИЕ

Нет надобности доказывать, что без полного и точного представления о развитии науки, без знания сильных и слабых её сторон плодотворное движение вперед было бы крайне затруднено.

Историография становится обязательным элементом каждого нового исследования и в сфере общественных наук, помогая фиксировать и критически оценивать работу ученых и тем самым правильно определять место и роль вновь появляющихся научных трудов и то новое, что они вносят в историографию той или иной проблемы.

Непрерывными компонентами историографии являются биографии ученых и библиографические данные об их трудах. Составления и издание био-библиографических очерков и словарей стала давней и прочной традицией отечественной и мировой историографии.

Роль био-библиографических изданий ещё более возрастает в настоящее время, в связи с увеличением потока научной литературы и углубление специальных знаний.

В Узбекистане также положено начало работы в этом направлении: выпущены в свет близкие по характеру к био-библиографическим словарям справочные издания: «Арабистика в Ташкенте» (1964) А.Ирисова и «Узбекские лингвисты»(1965) Х.Узакова.

О возрастании во всемирном масштабе понимания научного значения био-библиографических исследований и материалов свидетельствует, в частности, тот факт, что на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, август 1970) к числу важнейших проблем методологии истории была отнесена тема «Роль и место биографии в исторической науке». Вопросы методологии и методики работы над биографией оживленно обсуждаются в советской исторической литературе.

Как справедливо отмечается в новейшей литературе, «выбор имен ученых для публикации очерков о них»,(в био-библиографических словарях) является нелегким делом. И в данном случае не ставилась цель привести

сведения обо всех без исключения деятелях общественных наук по Узбекистану (это задача будущего). В настоящее издание включены имена лишь тех ученых и краеведов, которые внесли наиболее весомый вклад в изучение истории и истории культуры Узбекистана.

Особенностью книги является включение в нее более известных представителей среднеазиатской историографии, а также любителей археологии, нумизматики, собирателей старины из среды коренного населения Узбекистана.

Учитывая преемственность среднеазиатской историографии нового времени от вековых традиций богатейшей среднеазиатской историографии средних веков, редакционная коллегия сочла нудным включить в книгу (с целью расширения ее познавательного значения, главным образом для молодого поколения ученых) также краткие био-библиографические данные о некоторых наиболее примечательных представителях среднеазиатской историографии раннего времени. Разумеется, составитель был далек от стремления охватить сколько-нибудь значительное, а тем более исчерпывающее количество имен представителей среднеазиатской (в том числе узбекской) историографии. Эта задача большого объема и она должна решаться с течением времени, в плане составления специального био-библиографического словаря. При отборе имен учитывалась в первую очередь принадлежность того или иного автора рукописных трудов к числу уроженцев Средней Азии или к числу лиц, связанных с нею длительным пребыванием на ее территории и постоянством интересов к ее изучению. Естественно также, что в книгу очерков включались имена тех авторов, чьи труды посвящены историческим событиям, происходившим в Средней Азии (Узбекистане) и сопредельных с ней странах. Представители среднеазиатской историографии средних веков, действовавшие в сфере естественных наук, в книгу не вошли. Исключение составили те из них, чье рукописное наследие содержало и сочинения конкретно-исторического характера (например, Беруни).

В своей совокупности содержащиеся в очерках материалы образуют источник сведений к истории развития в Узбекистане научно-общественной мысли, исследовательских работ, исторического краеведения в широком и наиболее полном смысле слова.

Книга призвана также явиться существенным подспорьем для исследователей, работающих в области общественных наук. Этому способствуют сопутствующие всем биографическим очерком об ученых перечни их научных публикаций. В тех случаях, когда имеются уже напечатанные указатели работ, в книге приводятся конкретные ссылки на них, нередко сопровождаемые дополнениями составителя (отмечаются замеченные пропуски в перечне названий работ того или иного ученого, а также, названия работ, вышедших в свет за время после опубликования соответствующих указателей).

Значение указателей определяется еще и тем, что научное наследие ряда фигурирующих в книге авторов продолжает широко использоваться советскими учеными. Однако многое в этом наследии остается распыленным по редким или мало известным изданиям, некоторые из публикаций стали библиографической редкостью. Здесь на помощь читателю и приходят указатели публикаций вошедших в книгу ученых.

Кроме того, в каждом отдельном случае в очерках дан указатель литературы, в том числе советских лет, о том или ином исследователе. Совокупность этой литературы дает еще более полное представление о жизни и деятельности соответствующего исследователя и материалы к их критической оценке.

Совершенно естественно также, что при воспроизведении биографий ученых, наряду со сведениями общего характера, приводятся данные, характеризующие их заслуги в изучении Узбекистана (Средней Азии).

Соотношение пространственного объема очерков диктовалась еще и стремлением более подробно осветить заслуги исследователей, менее известных современному читателю, чем крупные, выдающиеся

исследователи, чья жизнь и деятельность более или менее широко освещены в литературе.

**ГЛАВА I. НАУЧНО-ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛУНИНА**

1.1. Жизнь и творчество Б.В.Лунина – как яркий образец служения исторической науке

Говоря авторитетными словами академиков Н.М.Дружинина и И.Ю.Крачковского, «нельзя устранить из исторического процесса живые индивидуальности. История совершается живыми людьми, мыслящими и чувствующими в соответствии с задачами своего времени»¹ и под этим углом зрения «не траурным звоном отдаются у нас слова некрологов. Мы оглядываемся назад, чтобы определить расстояние, которое прошли, а впереди предстоит дальний бесконечный путь»².

Справедливо также указание акад. А.Н.Кононова на то, что «изучение и популяризация истории отечественного востоковедения имеет не только важное научное значение, но и большое воспитательное значение. Избирая новый путь, нельзя забывать путь пройденный, дабы не оставить без должного внимания то хорошее и полезное, что было в прошлом, и не повторить того, что было в прошлом плохого и ненужного»³.

Добавим, наконец, что в условиях быстрого и всестороннего развития советского востоковедения в науку приходят одно за другим поколения молодых ученых, призванных владеть всеми знаниями, накопленными как советским, так и дореволюционным востоковедением, что является неизменным условием успешности подлинно исследовательских работ. Задача не из легких, принимая во внимание обширность существующей литературы, нередко ее распыленность по ставшим библиографически редкими изданиям,

¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, с. 6.

² Крачковский И. Ю. Цит. по статье: Гордлевский В. А. Игнатий Юлианович Крачковский.—«Советское востоковедение», IV, М., 1947, с. 17—18.

³ Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, с. 24 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). Эта мысль перекликается со словами В. В. Бартольда, который, имея в виду Н. И. Веселовского, писал, что «будущие историки и археологи, конечно, не забудут, чем они обязаны тоудам своих предшественников, в том числе и их ош и бкам» (Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский..., Сочинения, т. IX, М., 1977, с. 647).

слабую изученность архивных материалов по истории науки, крайнюю недостаточность библиографических, биобиблиографических и других справочных пособий, историографических исследований, облегчающих критическую оценку научного наследия прошлого.

Борис Владимирович Лунин в течение своей 75-летней научной деятельности подготовил и опубликовал 25 монографий, 50 брошюр и свыше 600 статей. Как историограф Борис Владимирович возвратил сегодняшнему поколению множество забытых имен исследователей Центральной Азии, став своеобразным ретранслятором ориенталистики между XIX и XXI вв.

Родился Борис Владимирович 18 июля 1906 г. в Женеве, в семье политических эмигрантов. Избрание его деда, В. И. Лунина, членом I Государственной Думы позволило их семье вернуться в Россию. С гимназической скамьи в Пятигорске Борис Владимирович приобщился к работе кружка юных археологов. После переезда семьи в Ростов-на-Дону он стал вольнослушателем Донского археологического института, а затем, по рекомендации профессора А. И. Яцимирского и других ученых, его приняли в состав членов Донского общества археологии и истории при Ростовском госуниверситете. Уже в 20–30-е годы Борис Владимирович стал вести большую научно-организаторскую и исследовательскую работу в качестве члена правления и ученого секретаря Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, бюро краеведения и других организаций.

В середине 1930 г. Борис Владимирович вместе с несколькими членами правления указанного Общества был арестован. Обвинялся он по стандартной ст. 58 УК «как один из активных участников постоянных поквартирных собраний работников и краеведов, объединенных на поприще работы над составлением археологической карты», на самом же деле, дескать, стремившихся увести «краеведение в прошлое в ущерб настоящему», сохранить «приверженность к буржуазно-дворянской науке и противостоять науке марксизма-ленинизма». После восьмимесячного пребывания во внутренней тюрьме Борис Владимирович был приговорен к

условной ссылке на три года в г. Фрунзе (Бишкек) и выпущен на свободу. Вслед за этим Северо-Кавказское краевое общество наряду с другими научно-краеведческими организациями подобного типа прекратило свое существование.

В начале войны 1941–1945 гг. Борис Владимирович оказался в составе действующей армии на Южном фронте, а в 1942–1953 гг. был старшим преподавателем и начальником социально-экономического цикла в военно-учебных заведениях Туркестанского военного округа. Последнее его воинское звание – подполковник.

Его все больше стала увлекать богатейшая история Узбекистана и Центральной Азии в целом, и с 1953 г., после демобилизации, он работал ученым секретарем, затем старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН Узбекистана, а потом ученым секретарем ее отделения, с 1968 г. – заведующим сектором историографии Института истории. С 1988 г. Борис Владимирович – главный научный сотрудник этого института. В 1956 г. Борис Владимирович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане», а в 1960 г. – докторскую – «Средняя Азия в дореволюционном востоковедении». В 1970 г. он был утвержден в звании профессора.

Исследования в области исторической науки снискали Б. В. Лунину репутацию крупнейшего знатока истории, развития гуманитарных наук о Средней Азии за два последних столетия. Борис Владимирович известен также работами в области библиографии. Им публиковались ежегодные «Библиографические указатели литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана», указатели литературы о жизни и деятельности Фараби, Ибн Сино, Беруни, Амира Темура, Темуридов, об истории кушан и др. В числе монографий Б. В. Лунина – «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.)», «Научные общества Туркестана и их

прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в.», «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении», «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк», «Восточный факультет». В области источниковедения им была подготовлена трехтомная «История Узбекистана в источниках». Известность и признание получили также составленные Б. В. Луниным биобиблиографические очерки об ученых-гуманитариях Узбекистана и отчасти Средней Азии – «Историография общественных наук в Узбекистане», «Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана» (ч. I–II), ставшие настольными книгами для всех изучающих историю, этнографию, философию, филологию и право в Узбекистане.

Многочисленные публикации Борис Владимирович увидели свет на страницах таких известных журналов, как «Вопросы истории», «Отечественная история», «Вестник древней истории», «Российская археология», «Наука и жизнь», «Наука и техника», «Народы Азии и Африки».

Ученый не терял связи и с Донским краем. Его перу принадлежит ряд научных книг и публикаций в сборниках и журналах, издаваемых в Ростове-на-Дону. Борис Владимирович был участником многих международных, региональных и республиканских научных форумов. Под его научным руководством защищено свыше десяти кандидатских и докторских диссертаций. Б. В. Лунин почти 40 лет был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», на страницах которого неоднократно публиковал свои статьи. Он – ответственный редактор свыше 30 научных монографий и сборников, член Главной редакционной коллегии 14-томной Узбекской энциклопедии. Содержательные лекции профессора Б. В. Лунина по истории, международному положению, многочисленные выступления в прессе снискали ему прочное признание широких слоев населения Узбекистана. Б.В.Лунин был избран членом Российской Академии

естественных наук и Российского археологического общества. Заслуги Б. В. Лунина отмечены многими государственными наградами.

История отечественного востоковедения насчитывает не одно десятилетие. Печатное наследие русского и советского востоковедения — книги, брошюры, статьи, заметки, рецензии и т. п. — исключительно велико и исчисляется теперь уже многими тысячами названий, среди которых немало ценных публикаций, ставших библиографической редкостью, затерянных на страницах специальных или общих, порой мало известных, забытых или полузабытых изданий. Исследователям, особенно молодым, становится все труднее и сложнее проникать в толщу необходимой литературы и источников и осуществлять с необходимой полнотой их подбор и изучение. Положение дел осложняется отсутствием новейших сводных, капитальных указателей отечественной литературы по востоковедению, которые, кстати сказать, ждут своего скорейшего составления, как ждут своих указателей и архивные собрания научно-востоковедческих учреждений.

В сочетании с недостаточностью историографического обзора и анализа пути, пройденного отечественным востоковедением, критических очерков жизни и деятельности виднейших востоковедов и т. д. это усугубляет трудности, стоящие перед исследователями наших дней. Забывается многое из того, что не должно быть забыто, недооценивается то, что заслуживает признания и использования в интересах дальнейшего развития советского востоковедения, многие важные факты упускаются из виду, возникает ненужная и подчас досадная путаница в событиях, именах, датах. Предпринятая автором работа и имеет своей целью восполнить, в известной мере, пробелы в историографии востоковедных изысканий в Средней Азии, чье богатейшее многовековое историческое прошлое привлекало к себе внимание не только ученых, специализировавшихся по Средней Азии, но и ученых, работавших в других сферах востоковедения. Можно

сказать, что, пожалуй, не было такого видного русского востоковеда-тюрколога, синоведа, индолога, гебраиста, слависта, который в той или иной мере не проявил интереса к памятникам материальной и духовной культуры народов Средней Азии, не отозвался бы своими публикациями, докладами, сообщениями на те или иные новые открытия.

Оговорим, в связи с этим, что автор уделяет в своей работе, значительное внимание биографиям ряда туркестановедов; причем в отношении ученых, наиболее сложных по своей социальной противоречивости, делаются попытки критического анализа их жизни и деятельности с показом положительных и отрицательных сторон. Такое внимание к биографическим материалам мы считаем полностью оправданным, ибо «предмет историографии включает в себя и историю создания исторических сочинений, и биографии историков (так как жизнь историка неотделима от его трудов), и историю развития исторического мышления, и историю распространения исторических знаний»⁵².

Биографическая сторона дела тем более важна, что помогает полнее и глубже уяснить еще и различия в социальном облике отдельных ученых, которые, будучи сами по себе и необходимыми и правильными, не всегда в то же время дают возможность охарактеризовать индивидуальные качества и особенности того или иного исследователя.

В процессе работы над данной книгой автору на протяжении ряда лет приходилось работать во многих архивах и библиотеках Ташкента, Москвы, Ленинграда и других городов, обращаться за справками и консультациями к работникам этих архивов и библиотек, всегда встречая любезное и отзывчивое содействие. И действительно. Значение каждой книги (слова В. В. Бартольда) «определяется не тем,

что в ней нет, а тем, что в ней есть и что... представляет... шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше»⁵⁶.

Предлагаемая вниманию читателя книга является частью многолетней работы автора, задуманной и выполняемой им по следующему плану:

Книга I. Часть I. К историографии вопроса (Вместо введения). Из истории востоковедения в России и Средней Азии. (собрание, изучение и издание восточных рукописей. Из истории антропологического изучения Средней Азии.

Книга I. Часть II. Из истории археологического изучения Средней Азии. Из истории изучения среднеазиатской нумизматики. Из истории этнографического изучения Средней Азии. Филология и эпиграфика Средней Азии. К истории музейного дела и собирательной деятельности коллекционеров. Средняя Азия в трудах III Международного съезда ориенталистов.

Книга I. Часть III. Материалы к био-библиографическому словарю ориенталистов-туркестановедов. Книга 1. Дореволюционный период. 1. Материалы к среднеазиатской лениниане. Средняя Азия в дореволюционных трудах В. И. Ленина. 2. Ученые и деятели Москвы, Петербурга, Казани и других городов России (М.О.Аттая, В.В.Бартольд, И.Н. Березин, М. Я. Бичурин (отец Иакинф), В.В.Вельяминов-Зернов, Н.И.Веселовский, А.Я.Гаркави, М.А.Гаффаров, В.В.Григорьев, Б.А.Дорн, С.М.Дудин, В. А. Жуковский, К.Г.Залеман, В.А.Иванов, А.К.Казембек, Н.Ф.Катанов, П. К. Коковцев, И.Ю.Крачковский, К.А.Иностранцев, П.И.Лерх, А.К.Марков, Н.Я.Марр, П.М.Мелиоранский, Н.Н.Муравьев, С.Ф.Ольденбург, Г.С.Саблуков, П.С.Савельев, Н.Самойлович, О.И.Сенковский, В. В.Стасов, В. В. Радлов, В. Р.Розен, В.Г.Тизенгаузен, Х.Д.Френ, Н.В.Ханыков, Д.А.Хвольсон, А.Ф.Шебунин). 3. Питомцы восточного факультета Петербургского университета и Лазаревского института восточных

языков, работавшие в Туркестане (И. А. Беляев, М. Ф. Гаврилов, С. М. Граменицкий, Л. А. Зимин, Е. Ф. Каль, А. Д. Калмыков, А. Л. Кун, Я. Я-Лютш, Н. Н. Пантусов, П. И. Пашино, Н. О. Пиннэ, М. Н. Ростиславов, А. А. Семенов). 4. Местные деятели (М. С. Андреев, И. В. Аничков, Ч. Ч. Валиханов, В. Л. Вяткин, А. А. Диваев, И. И. Зарубин, Д. Л. Иванов, В. А. Каллаур, Б. Н. Кастальский, А. В. Комаров, Н. С. Лыкошин, Н. Г. Маллицкий, П. Наливкин, Н. П. Остроумов, Н. Ф. Петровский, И. Т. По-славский, Ф. В. Поярков, Е. Т. Смирнов, И. И. Трофимов, А. Г. Туманский, А. М. Фетисов, Д. И. Эварницкий, И. Д. Ягелло). 5. Собиратели и любители древностей (Абд ар-Рахман, Абу Сайд Махзум, Абд ас Саттар ходжа — Саттар-хан Абдулгафаров, Акрам Палван Аскарлов, Л. В. Бар* щевский, В. В. Верещагин, А. С. Галкин, Гафиз, А. И. Добро- смыслов, Ю. К- Казбеков, Г. А. Колпаковский, А. В. Комаров, П. А. Комаров, В. В. Крестовский, Б. Н. Литвинов, Мирза Бухари, Мирза Барат Мулла Касым, С. М. Нижанский, Д. О. Петров-Борзна, Н. Н. Щербина-Крамаренко и др.).

Книга II. Часть I. Становление и начальные шаги советского востоковедения в Средней Азии. Восточный институт — восточный факультет Среднеазиатского (Ташкентского) государственного университета им. В. И. Ленина. Туркестанская высшая военная школа (курсы) востоковедения. Подготовка национальных востоковедческих кадров. Научно-востоковедная деятельность туркестанских научных обществ и музеев. В. В. Бартольд (его труды по Туркестану и участие в работе местных научно-краеведных организаций). Туркестан в трудах востоковедов Москвы и Ленинграда (20—30-е годы). XX съезд КПСС.

Деятельность Института востоковедения им. Абу Рейхана Бируни АН УзССР и его хранилища восточных рукописей (Ташкент). Востоковедная работа институтов общественных наук Академий наук союзных республик Средней Азии и Казахстана (Алма-Ата, Ашхабад, Душанбе, Фрунзе) и Каракалпакского филиала АН УзССР (Нукус).

Научно- востоковедная и учебная работа высших учебных заведений Средней Азии. Восточный факультет Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Музеи, библиотеки, издательская деятельность.- Труды ИНА АН СССР.

Всесоюзная научная конференция востоковедов в Ташкенте (4-11 июня 1957 г.). Общие итоги и перспективы востоковедной работы в Средней Азии.

Книга II. Часть II. История изучения историко-культурного прошлого Средней Азии за 50 лет Советской власти (1917—1967): 1. Источники (восточные рукописи, их собирание, изучение и издание). 2. Археология и нумизматика. 3. Этнография. 4. Языкознание и эпиграфика. 5. Антропология. Материалы к библиографии востоковедной литературы по Средней Азии.

Книга II. Часть III. Материалы к био-библиографическому словарю советских востоковедов (по Средней Азии). 1. Материалы к среднеазиатской лениниане. Средняя Азия в пореволюционных трудах В.И.Ленина. 2. Personalia (В.А.Абдуллаев, И.Абдуллаев, Б.А.Абдуразаков, М.А.Абдураимов, Д.Абдурахманов, С.А.Азимджанова, Садриддин Айни, К.С.Айни, О.Ф.Акимушкин, Н.М.Акрамов, Б.А.Ахмедов, Д.К.Аренде, А.Х.Бабаходжаев, В.В.Бартольд, И.А.Батманов, А.М.Беленицкий, И.А.Беленицкая, В.И.Беляев, А.Беляев, А.Н.Бернштам, Е.Э.Бертельс, Д.Е.Бертельс, К.Бетгер, М.Н.Боголюбов, А.М.Богоутдинов, А.Н.Болдырев, О.Г.Большаков, А.Я.Борисов, А.К.Боровков, И.С.Брагинский, Б.М.Волин, Д.Г.Вороновский, Ю.З.Бретель, П.Г.Булгаков, Г.А.Волошина, И.Н.Винников, П.Я.Винников, В. Л. Вяткин, М.П.Вяткин, А.Г.Ганиев, С.Ганиев, А.А.Гаррицкий, Б.Г.Гафуров, В.А.Гордлевский, Д.П.Грязневич, Я.Г.Гулямов, Л.Т.Гюзальян, Е.Д.Давидович, С.Джалилов, А.Джуванмардиев, А.А.Диваев, М.Дьяконов, М.М.Дьяконов, А.Егони, Л.М.Епифанова, Г.А.Жданко,

В.М. Жирмунский, Ю.Н.Завадовский, Х.Т.Зарифов, В.Ю.Захидов, П.П.Иванов, А.А.Ирисов, Б.И. Искандеров, Т. А. Кадырова, У. И. Каримов, А. П. Каюмов, Н. А. Киссен, А. П. Колпаков, В. А. Крачковская, И. Ю. Крачковский, А. Н. Кононов, В. А. Лившиц, Б. А. Литвицкий, Д. Е. Маджи, С. Е. Малов, Н. Г. Маллицкий, У. Маматхунов, Б. С. Маннанов, А. Х. Маргуллан, М. Е. Массой, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мирзаев, С. М. Мирзаев, А. А. Молчанов, Г». С. Москалев, А. М. Мугинов, Р. Г. Мукминова, И. М. Муминов, К. Муниров, А. Мурадов, С. М. Муталибов, А. Мухамеджанов, К. З. Мухсинова, А. Мухтаров, Р. Н. Набиев, Т.Нигматов, С. Ф. Ольденбург, Л. В. Ошанин, П. И. Петров, И. П.; ГГетрушевские, Е. М. Пещерева, Н. В. Пигулевская, А. К.Писарчик, Е.Д.Поливанов, Г. А. Пугаченкова, З. Ш. Раджабов, С. А. Раджабов, А. Расулев, Я. И. Ремпель,

в. В. Решетов, З. Г. Ризаев, Ф. А.. Розенберг, А. А. Ромаскевич, В. А. Ромодин, А. Р. Рустамов, У, А. Рустамов, М. А. Салье, А. Н. Самойлович, А. А. Семенов, Б. Л. Смирнов, Н. А. Смирнов, О. И. Смирнова, А. Я. Соколов, Б. Я. Ставиский, К.Т.Старкова, В.В.Струве, М. Сулейманов, О. А. Сухарева, А. Т. Тагирджанов, А. С. Тверитинова, К. В. Ткачев,

с. П. Толстов, А. Л. Троицкая, И. И. Умняков, А. Урунбаев, П. А. Фалёв, Р. Р. Фитрат, А. А. Фрейман, Р. Хади-заде, М. М. Хайруллаев, Ю. Хакимджанов, А. Б. Халидов, Б. З. Халидов, А. Х. Хамраев, Х. Хикматуллаев, О. Д. Чехович, Ш. М. Шамухамедов, Ш. Шаисламов, Г. В. Шитов, В. А. Шишкин, А. Э. Шмидт, А. М. Щербак, М. Ю. Юлдашев, К. К. Юдахин, А. Ю. Якубовский и др.)⁴.

⁴ Перечень имен в проекте био-библиографических словарей является предварительным, ориентировочным. Автор будет благодарен читателям за сообщение ему (по адресу: Ташкент, 52, Ново-Московская, 18, кв. 68) указаний на возможные пробелы намеченных списков и рекомендаций об их уточнении или пополнении. Следует учитывать, что в списки включались (как общее правило) именно востоковеды, зарекомендовавшие себя трудами, связанными в первую очередь с собиранием, изучением и научным изданием восточных рукописей по истории Средней Азии (или ее эпиграфических памятников), а также некоторые археологи, нумизматы, филологи, этнографы, фольклористы, чьи работы прямо или косвенно, но в значительной мере базируются на изучении восточных рукописей и наиболее близко соприкасаются с востоковедением, как таковым. В отдельных случаях учитывались имена деятелей, особо зарекомендовавших себя в области организации научно-востоковедческой работы в Средней Азии. Таким образом, списки носят специализированный характер (востоковедение в приложении к Средней Азии) и не включают историков, археологов, литературоведов и других вообще, как не включают в себя востоковедов, специализировавшихся в области изучения истории сопредельных стран Средней Азии, а также

При ознакомлении с приведенным выше планом, а равно при чтении данной и последующей книг необходимо иметь в виду уже напечатанные автором работы по теме исследования, представляющие собою неотъемлемую часть, отдельные фрагменты предпринятого труда.

Таковы публикации автора:

1. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.), Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 320 стр., с портретами (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии) * *.

Рецензии: Б. А. Литвинский. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 345—348; И. Джаббаров, «Советская этнография», 1960, № 5, 1 гр. 161 — 163.

2. Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии (1895— Г.) 17 гг.), часть 1. Библиографический указатель, «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 231—255 (Академия наук Узбекской ССР, Институт истории и археологии).

3. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, 344 стр., с портретами (Академии наук УзССР, Институт истории и археологии).

Рецензии: Г. Н. Чабров и др., «Коммунист Узбекистана», 1962, № 8, стр. 92—96; И. Джаббаров, «Советская этнография», 1963, № 2, стр. 177—179; проф. П. Н. Соколов, «Медицинский журнал Узбекистана», Ташкент, 1964, № 3, стр. 72—73.

О некоторых чертах ленинизма в связи с историческими судьбами народов современного Востока. Юбилейная научная сессия, посвященная 40-

преподавателей восточных языков (если они не известны одновременно своими учеными трудами изложенного выше характера) и т. п. В словарях будут также учтены имена практиков — знатоков восточные рукописей и их описателей (ИбадуллаАдилов, Ишан-ходжа Мухам-медходжаев и др.).

летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957, стр. 307—311 (Академия наук Узбекской ССР).

В. И. Ленин и народы Средней Азии, «Коммунист Узбекистана»¹ 1964, № 9, стр. 26—39.

Переписка В. В. Бартольда и ее научное значение. Выступление на¹ Всесоюзной конференции востоковедов, Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 683—686 (Академия наук Узбекской ССР).

Неопубликованный текст лекции акад. В. В. Бартольда по нумизматике Средней Азии, «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 7, стр. ' 44—47.

Новая научная биография акад. В. В. Бартольда (О книге Н. М. Акрамова «Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд», Душанбе, 1963, 112 стр.), «Народы Азии и Африки», М., 1965, № 4, стр. 201—204.

Туркестан в материалах личного архива В. В. Бартольда, «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1965, № 6, стр. 45—51.

В. В. Бартольд и Туркестанская публичная библиотека (по литературным и архивным данным). Подготовлено к печати; 2 печ. л.

4. О работе Секции древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока на I Всесоюзной конференции востоковедов, «Советская археология», М., 1958, № 2, стр. 327—330.

5. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 6, стр. 30—39.

6. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии, Очерки по истории русского востоковедения, VI, М., 1963> стр. 302—346 (Академия наук СССР, Институт народов Азии).

7. История и древности Туркестана в Трудах Всероссийских археологических съездов, «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 6,, Ташкент, 1965, стр. 201—220 (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).

8. Из истории этнографического изучения узбеков. 1. Дореволюционный период. II. Советский период, В кн.: «Узбеки», Ташкент, 5 авт. л., готовится к изданию (Академия наук Узбекской ССР. Институт истории и археологии).

9. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в., «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 256—266.

10. Николай Иванович Веселовский как исследователь Средней Азии, Очерки по истории русского востоковедения, VIII, М., 8 авт. л., в печати (Академия наук СССР, Институт народов Азии).

11. Узбекский археолог — любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскарлов, Известия АН Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 6, стр. 66—76.

12. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Ак-рама Аскарлова (по архивным данным), «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 233—245.

13. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари, «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 6, стр. 32—40.

14. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Сайид Махзум, «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 7, Ташкент, (в печати; 0,75 п. л.).

15. Спутник А. Л. Куна и автор «Путевых дневников» Мирза Абд ар-Рахман (в печати; 1 п. л.).

16. Из комментариев к петербургской поездке в 1874 г. Ахмада Дониша, Известия Академии наук Таджикской ССР, Отделение общественных наук, Душанбе, 1965, № 1, стр. 53—61.

17. А. А. Диваев как археолог-краевед. Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1957, № 1, стр. 73—77.

18. Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль, Научные труды Ташкентского гос. университета им. В. И. Ленина, Новая серия, Археология Средней Азии, VII, Ташкент, 1965 (в печати; 1,5 п. л.).

19. Александр Александрович Семенов (Некролог), «Советская археология», М., 1959, № 2, стр. 299—300.

20. Лев Васильевич Ошанин, Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 3, стр. 59—64.

21. Лев Васильевич Ошанин, «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 5—17.

22. Список печатных работ Л. В. Ошанина, стр. 13—17; 32 названия.

23. Лев Васильевич Ошанин (Некролог), «Советская археология», М., № 1, стр. 332.

24. Иван Иванович Умняков как ученый-востоковед и общественный деятель, «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 158—168.

25. Список печатных работ И. И. Умнякова с 1923 по 1960 г.; 53 названия.

26. Василий Афанасьевич Шишкин как научный и общественный деятель. К 70-летию со дня рождения (Биографический очерк и указатель печатных произведений), «История материальной культуры Узбекистана», Вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 5—16. Также: «Советская археология», М., № 4, стр. 58—60; «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1964, № 5, стр. 62—63.

27. Список печатных работ В. А. Шишкина с 1924 по 1964 г.; 79 названий.

28. Жизнь и труды востоковеда-тюрколога Павла Александровича Фалева. 1888—1922 (подготовлено к печати: 2 п. л.).

29. Из неопубликованной биографии туркестановеда. Д. Л. Иванова (сдано в печать: 1 п. л.).

30. Почин киргизских историографов (рецензия на кн.: В. П. Шерстобитов, К. К. О р а з а л и е в, Д. Ф. Винни к. Очерки истории исторической науки в советском Киргизстане, Фрунзе, 1961, 145 стр.), ж. «История СССР», М., 1963, № 1, стр. 189—193.

31. Из новой литературы по древнетюокским руническим надписям Средней Азии (сдано в- печать; 2 п. л.). •

32. Развитие исторической науки в Узбекистане после XX съезда КПСС, «История СССР», М., 1965, № 4, стр. 235—242 (совместно с М. А. Ахуновой).

I. 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ УЗБЕКИСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.В.ЛУНИН

В био-библиографических очерках Лунин дает данные об ученых и краеведах занимавшихся изучением богатейшего исторического прошлого Узбекистана(Туркестана) : историков, археологов, востоковедов, этнографов, экономистов и других оставивших наиболее заметный след в науке. Каждому из них посвящен очерк жизни и деятельности, дается также библиографический перечень его публикаций и литературы о нем.

Абу Наср Фараби – выдающийся среднеазиатский мыслитель.

Наряду с анализом его общефилософских произведений Б.В.Лунин выделяет его трактаты, рассматривающие проблемы общественно-политической жизни и характер социального устройства, нравственности, задачи и форма воспитания и др.(«Книга воззрений жителей идеального города», «Гражданская политика», « Книга о войне и мирной жизни», «Книга изучения общества», «Добродетельные нравы»).

Как мыслитель-гуманист Фараби ярко рисовал облик будущего общественного устройства на началах свободы, всеобщего равенства, взаимного уважения и полного благополучия, видя путь к такому идеальному устройству в торжестве разума, науки и знания. Фараби мечтал о времени без междоусобных феодальных войн, грабежей и захватов, без обмана и несправедливости, об обществе мирном, процветающем, благополучие которого будет строиться на плодах созидательного труда людей и из взаимной помощи. Утопический характер этих размышлений не умаляет их огромного прогрессивного значения для своего времени. Свободолюбивые идеи Фараби вдохновляли передовых людей многих поколений, притом не только в странах Востока., но и странах Запада. Установлено, в частности, влияние идей Фараби на мировоззрение Ибн Сины, Беруни, Низами, Омара

Хайяма, Алишера Навои, позднее на Бедиля, Ахмада Дониша и других мыслителей, писателей и поэтов⁵.

Абу Бакр Мухаммад Наршахи - При всем этом первичная основа Наршахи сохраняет свою самодовлеющую ценность важнейшего источника по истории Бухары раннего средневековья, включая описание бухарского Шахристана.

Большой интерес для историков и археологов представляют во многом уникальные данные «Истории Бухары» о Варахше и расположенном ней дворце правителей Бухары (бухар-худатов). Из этих данных явствует, что Варахша занимала значительное место в экономической и политической жизни Бухарского владения. Хотя приводимые сведения не всегда полны и точны, в целом они являются существенным подспорьем при реконструкции хода событий в связи с историей Варахши и всей Бухары. Также приводятся географические данные «Истории Бухары» бледнее исторических; небезынтересны, однако описание р.Зарафшан ее долины, истокование палеогеографии Бухарского оазиса⁶.

Абу Райхан Беруни - В сфере общественных наук Беруни также известен как автор важных и ценных трудов. Первым из дошедших до нас капитальных сочинений Беруни являлись «Памятники, ставшие от минувших поколений», позднее названных условно «Хронологией древних восточных народов». «Памятники» были созданы между 1000 и 1003 и представляли собою свод технической или гражданской хронологии, дающей описание всех эр и праздников, известных Ал Бируни народов и религий: греков. Римлян. Персов, согдийцев. Хорезмийцев, харранцев, коптов, христиан. Евреев. Доисламских арабов, мусульман. Источники его по этим вопросам очень разнообразны: с одной стороны это специальные работы. Которые в настоящее время утрачены, с другой – богатая устная традиция, в некоторых случаях исключительно ценная. При этом глава о

⁵ Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин. – Ташкент, “Фан”, 1974. – С.11-12

⁶ Там же, С.17-18.

летоисчислении хорезмийцев является пока единственным письменным памятником хорезмийского происхождения, посвященном древней истории Хорезма.

В 1030 Беруни закончил свой прославленный труд «Книга, содержащая разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых», вошедший в науку как «Индия».

По сложившемуся среди ученых утверждению ни одно из написанных в эпоху средневековья сочинений об Индии не может сравниться с сочинением Беруни, представляющим собой образцы географической, этнографической и историко-культурной монографии и неоценимый источник для истории ранней средневековой Индии.

В этом труде проявились глубокая личная его осведомленность в области географии и истории Индии жизни и быта, обычаев и нравов его народа и блистательные познания в области индийской математики и астрономии. «Индия» - яркое свидетельство глубокого понимания хорезмийцем Беруни высокой и своеобразной культуры соседнего со Средней Азией государства.

Одной из фундаментальных работ, освещающих жизнь и деятельность Беруни считается сводная работа П.Г.Булгакова (под редакцией И.М.Муминова)⁷.

Б.В.Лунин приводит около 20 (выборочно) изданий сочинений Беруни, около 40 наименований литературы о Беруни.

Абу Али ибн Сина – всемирно известный ученый, гениальный мыслитель средних веков. Сочинения Ибн Сины свидетельствуют о его энциклопедических познаниях и начитанности, что принесло ему, с течением времени, признание в качестве «мудреца Востока и Запада». Особенно глубокой была осведомленность Ибн Сины в медицинской литературе и философии античного мира и Востока.

⁷ *Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин. – Ташкент, “Фан”, 1974. – С.23-24.*

Вообще же научные труды Ибн Сины были самыми разнообразными. Его перу принадлежат более 40 трудов по медицине, до 30 – по астрономии и естественным наукам, 185 – по философии, логике и богословию.

Труды Ибн Сины получили широчайшую известность. Ему было суждено сыграть выдающуюся роль и в научном сближении Запада и Востока. Ибн Сине Европа обязана знакомством с основами и сущностью восточной медицины, в том числе с врачебным опытом Средней Азии, Ирана и других стран. В Европе средних веков имя Ибн Сины (Авиценны) ставилось в один ряд с именами Гиппократ и Галена.

Феноменальная память, замечательная эрудиция, богатейший опыт врачебной практики, глубокие для своего времени теоретические познания, редкая наблюдательность и пытливость позволили Ибн Сине создать бессмертное творение – «Канон врачебной науки» в пяти книгах, над которым он работал многие годы и который явился фундаментальной энциклопедией медицинских знаний средневекового востока, гениальным творением человеческой мысли.

Как мыслитель философ Ибн Сина также оставил неумирающее наследие: «Книга исцеления» - крупное научное достижение своего времени в области философии и естествознания⁸.

Б.В.Лунин приводит около 12 (выборочно) изданий сочинений Беруни, более 60 наименований литературы о Ибн Сина.

***Гийас ад-дин Али** – ученый-теолог, автор истории похода Тимура в Индию. «Дневник похода Тимура в Индию» сохранил значение ценного источника к Истории Тимура и его времени. Также приводятся данные об институте эмиров и бахадуров и его структуре. Для историков Средней Азии времени Тимура и тимуридов небезынтересны упоминания и сведения о современниках и сподвижниках Тимура, о Самарканде и других городах⁹.*

⁸ Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин. – Ташкент, “Фан”, 1974. – С.29-30

⁹ Там же. С.37-38.

Шараф ад-дин Йезди – с этим именем связано появление в свет сочинения «Зафар-наме» («Книга побед»), пользующегося известностью в среднеазиатской историографии XV века. Этот труд – источник важных фактических сведений для современных исследователей. Введение содержит родословную Тимура и историю монголов в Средней Азии от Чингиза до Тимура, а первый раздел – историю Тимура и ряд событий, происшедших вслед за его кончиной. Второй раздел посвящен истории Шахруха, а третий – истории Мирзы Султан Ибрахама и др¹⁰.

Далее следуют библиографические данные видных представителей средневековой историографии **Аб ар-раззак Самарканди** и **Хафиз-и Аbru**. В них Б.В.Лунин приводит ценные сведения об их исторических работах и их вкладе в историю правления Тимура и тимуридов¹¹.

Захир ад-дин Бабур – известный политический и государственный деятель, военачальник, поэт и писатель. Среди сочинений Бабура важное место занимает написанное на чагатайском языке «Бабур-наме» – одно из лучших произведений тюркской прозы» (В.В.Бартольд) и один из выдающихся памятников мировой литературы. Это сочинение изобилует сведениями исторического, историко-географического и этнографического характера и представляет также большую ценность для философов и филологов. Богатство и разнообразие сосредоточенных в записках Бабура материалов выдвигает их в разряд основных источников изучения истории народов Средней Азии, а также Афганистана и Индии. Записки освещают события с 1493 по 1529 годы и состоят из трех частей: Фергана, Кабул, Хиндустан.

Востоковеды уделяют много внимания изучению «Бабур-наме» в литературоведческом, языковом и в историческом аспектах¹².

Б.В.Лунин приводит около более 20 (выборочно) изданий сочинений **Захир ад-дин Бабур** и более 40 наименований литературы о нем.

¹⁰Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин. – Ташкент, “Фан”, 1974. – С.41-42.

¹¹ См.там же. С.44-49.

¹² Там же. С.51-52.

Далее следуют библиографические данные видных представителей средневековой историографии летописца и историка **Хафиз-и Таныш, Абу-л-Гази, Мухаммад Юсуф Мунши**. В них Б.В.Лунин приводит ценные сведения об их исторических работах и их вкладу в историю правления Шейбанидов и Аштарханидов.

Биографические данные о сподвижнике русских ученых по изучению Средней Азии **Абд ар-Рахмане**, уроженце и жителе Самарканда, его земляке **Абу Саид Махзуме** – любителе древностей и каллиграфе Б.В.Лунин дополняет сведениями об их переводческой деятельности и активном участии в научных изысканиях А.Л.Куна, Н.И.Веселовского, А.А.Семенова, В.В.Бартольда, В.Л.Вяткина.

Агехи вошел в историю как продолжатель труда Муниса по истории Хорезма «Райский сад благоденствия» с новым названием «Райский сад счастья». По словам Бартольда, Работа Агехи выполнялась в характере «записки современника о совершающихся на его глазах событиях, т.е. была скорее хроникой и дневником, чем историческим трудом в собственном смысле слова»¹³.

Садриддин Айни – писатель, ученый и общественный деятель. Как ученый – историк Айни известен прежде всего работами «История мангытских эмиров Бухары» и «Материалы по истории Бухарской революции». Первая из них охватывает период от времени правления Рахимбия Аталыка (1753-1758) до сентябрьских событий 1920 г. Вторая работа написана в 1918-1919 годах. В них освещена история Бухары от времени правления эмира Насруллы (1826-1860) до сентября 1920 года. К историческим работам Айни примыкает и «Красота мира», написанная в 1936 г. Она представляет собой краткий исторический очерк Ходжента от времени монгольского завоевания.

¹³ Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин. – Ташкент, “Фан”, 1974. – С.73.

Вера Вячеславовна Александрова-Заорская – в среде историков и экономистов Узбекистана и Средней Азии широкой известностью пользуется книга «Промышленные заведения Туркестанского края...». Этот труд был и остаётся наиболее надёжным и во многом единственным источником по вопросу по отраслевой численности промышленных предприятий Туркестана, степени и характера их оборудования, объема выпускавшейся ими продукции и т.п.

Далее В.В.Лунин даёт библиографические сведения об этнографо-очеркисте, педагоге и писателе **Г.В.Андрееве (Джурабаев)** который изучал быт узбекского и других народов Средней Азии, публикуя на страницах периодической печати статьи этнографического характера; о выдающемся знатоке и исследователе жизни и быта узбекского, таджикского и других народов Средней Азии, этнографе и языковеде М.С.Андрееве, который принимал активное участие в работе Туркестанского кружка любителей археологии.

Акрам Аскарлов - археолог-любитель и собиратель древностей, предметов искусства и археологии. Формирование его интересов и направленности практических занятий происходило под влиянием историков-востоковедов В.В.Бартольда, Н.И.Веселовского и других. В его коллекции древностей 12171 медных, 1428 серебряных и 17 золотых монет, ряд терракотовых изделий, образцов древней керамики, металлических изделий. Из этой коллекции 5 золотых, 321 серебряная и 178 медных монет были приобретены Эрмитажем.

В.В.Бартольд - в студенческие годы им владела мысль о необходимости заняться глубоким изучением источников по Средней Азии.

Он питал постоянный интерес к эпосу народов Востока, занимался переводами источников, защитил диссертацию магистра на тему «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Известны его монографии об Улугбеке и Алишере Навои. В анализе «первоисточников он был непревзойденным мастером... он не только умел открывать и привлекать новые материалы, но

даже из тех источников, которые побывали в руках многих первоклассных ученых он искусно извлекал незамеченные никем детали и давал новое освещение в целом»(И.Ю.Крачковский)¹⁴

Б.В.Лунин приводит около более 20 (выборочно) изданий сочинений **В.В.Бартольда** и более 30 наименований литературы о нем.

Следующие библиографические данные посвящены к **Баяни** (Мухаммад Юсуф-бек) известный своим рукописным трудом по истории Узбекистана и отчасти всей Средней Азии; **Мирза Бухари** – Самаркандском любителе старины и собирателе древностей, выступавший в качестве пропагандиста дело охраны и изучения памятников прошлого и который был одним из первых коллекционеров-краеведов, чья биография составляет одну из страниц истории формирования местной интеллигенции конца XIX века.

Далее Б.В.Лунин приводит сведения касающиеся жизни и деятельности таких деятелей исторического краеведения как **Д.Д.Букинич**, **В.В.Вельяминов-Зернове** – одном из крупнейших востоковедов, **Н.И.Веселовском** – видном представителе российской школы истории восточных стран, который оставил ценное и обширное печатное наследство в области изучения посольских связей российского государства со Средней Азией; **В.Л.Вяткине** который был человеком огромного трудолюбия и бескорыстной преданности науке и посвящал все свои силы, знания, энергию делу познания исторического прошлого Самарканда и прилегающих местностей, был знатоком исторической топографии и географии; **М.Ф.Гаврилове** – которым была собрана ценная коллекция восточных рукописей, поступившая позднее в Туркестанскую публичную библиотеку; **В.В.Григорьеве** – крупном российском знатоке истории Средней Азии который был известен многочисленными статьями политического, публицистического характера с ценными историко-экономическими и другими сведениями о Средней Азии.

¹⁴ Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б.В.Лунин. – Ташкент, “Фан”, 1974. – С.106

Библиографические сведения о видном знатоке Средней Азии – фольклористе, этнографе, археолог-любителе **А.А.Диваеве**; мыслителе, ученом, писателе-просветителе **Ахмаде Донише**; художнике, путешественнике, этнографе и археологе, музейном работнике **С.М.Дудине**; крупном-востоковеде ученом и организаторе науки **К.Г.Залемане**.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

a). Русское археологическое общество *a* Общее собрание

11 февраля 1886 г. О раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда.

14 мая 1886 г. О древностях Закаспийского края.

б). Отделение русской и славянской археологии

9 октября 1904 г. Реферат о каменных бабах (Резюме: ЗРО, VII, 177). *в*.

Восточное отделение

13 декабря 1885 г. Сообщение о суеверном состоянии мусульманского населения Средней Азии и об амулете «базу-бенд».

13 декабря 1885 г. О Ташкентском музее.

7 марта 1886 г. Сообщение о мечети Шах-Зинде в Самарканде.

29 апреля 1886 г. Соображения по вопросу, существуют ли в Средней Азии подделки древностей.

27 мая 1886 г. О среднеазиатских курганах.

6 сентября 1886 г. О фотографическом альбоме буддийских идолов, составленном Н. П. Остроумовым.

6 сентября 1886 г. Слухи о надписях и статуе близ Пишпека.

18 декабря 1886 г. О среднеазиатских амулетах.

23 декабря 1891 г. О плясовых песнях сартов.

16 февраля 1893 г. Замечания по поводу сообщений Н. Ф. Петровского р кашгарских древностях.

14 марта 1896 г. О мазаре Кутби-Чаардегум в Самарканде.

1 апреля 1897 г. Воспоминания современника об Якуб-беке Бадаулете.

27 января 1900 г. О находке глиняных гробов в Самарканде (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), Протоколы., стр. II).

30 марта 1900 г. Из письма Ильминского к В. В. Григорьеву об одном месте у Рашид-ед-Дина.

25 октября 1901 г. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), Протоколы, стр., XVII).

21 марта 1902 г. Отрывок из поэмы Манас: «Смерть Кукогай хана и его поминки» в переводе Ч. Ч. Валиханова (Подробное резюме и текст перевода: ЗВО, XV, стр. VIII—XV).

19 сентября 1902 г. О книге «Ежегодник Ферганской области», т. I. (1902).

1 мая 1903 г. О надгробии Тимура (Резюме: ЗВО, XVI, стр. XI сл.).

22 января 1904 г. О первоначальном месте погребения Тамерлана (Резюме: ЗВО, XVI, стр. XX).

24. февраля 1905 г. К известиям об обычае у среднеазиатцев отделения у покойников мяса от костей. Рассказ торговца Афросимова (Резюме: ЗВО, XVII, стр. III, сл.).

29 сентября 1905 г. О первом выпуске альбома Самаркандских мечетей.

23 февраля 1906 г. О бронзовом кувшине, "антенном в сел. Дмитриевском Пишпекского уезда (Резюме: ЗВО, XVII, стр. XXIX).

24 января 1908 г. Новые и неизданные восточные монеты.

24 сентября 1909 г. Об альбоме А. А. Боголюбова (Ковровое производство в Средней Азии).

25 февраля 1910 г. Об изображении тронов на металлических мусульманских средневековых сосудах (Резюме: ЗВО, XXI, стр. V).

29 сентября 1916 г. Греческие изображения на Туркестанских оссуариях.

28 сентября 1917 г. Роль стрелы в обрядах и ее значение.

Б. Русское географическое общество

20 апреля 1882 г. Предложение касательно собирания сведений о древних городах Туркестанского края путем привлечения к этому делу местных слу-

жащих и проект программы для руководства собирателям (ИРГО, т. 18, отд. 1, стр. 72).

14 октября 1886 г. О поездке к верховьям Зерлвшана (Резюме: ИРГО, т. 22, стр. 487).

25 сентября 1887. О сборнике киргизских рассказов М. А. Миропиева (Резюме: ИРГО, т. 23, стр. 71).

29 ноября 1890 г. 1) Отзыв о рукописи С. К. Патканова «Тип остяцкого богатыря» и 2) О бухарской серебряной монете (Резюме: ИРГО, т. 26, стр. 117).

3 мая 1891. Отзыв о рукописи И. Нарбута «Каракунузские Дунгане» (ИРГО, т. 27, стр. 535).

Г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии

31 января 1904 г. О ближайших задачах исследования Средней Азии (напечатано в Протоколах Комитета).

190,6 г. Экспедиция в Туркестан.

3 октября 1908 г. Сообщение о произведенных под его руководством работах по исследованию самаркандских архитектурных памятников и о раскопках В. Л. Вяткина, произведенных по поручению Комитета в окрестностях того же города и обнаруживших остатки обсерватории Улугбека (Протоколы 1908 г., № 3, стр. 43).

Д. Разряд Военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества

13 октября 1912 г. Аральская флотилия по официальным данным и по отзывам современников (Резюме: ЗРВА, т. 3, стр. 7).

Е. Московское археологическое общество

О названии «Арбат». Прочитано М. В. Никольским в заседании Восточной комиссии Общества 20 января 1890 г. (Резюме: в трудах Восточной комиссии, т. 2, вып. 1 (1896); Протоколы, стр. 66—67).

Ж. Археологические съезды

VI в Одессе, в августе 1884 г.

ГЛАВА II. БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУНИН – СОЗДАТЕЛЬ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ, ИСТОРИИ НАУКИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

III. 1. “Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения” – как основной источник по изучению историко-культурного прошлого Центральной Азии.

Предлагаемая Б.В.Луниным книга - часть большого и широко задуманного труда по истории дореволюционного и советского востоковедения в Средней Азии, выполняемого сектором историографии Института истории Академии наук Узбекской ССР, что отвечает общему росту интереса, проявляемого в последнее время к истории отечественного востоковедения в целом.

О существенном оживлении в этой области историографических исследований свидетельствует выход в свет собраний сочинений таких выдающихся востоковедов, как В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, В. А. Гордлевский, И. Ю. Крачковский и др., научных биографий М. С. Андреева, В. В. Бартольда, Н. Ф. Катанова, И. П. Минаева, А. А. Семенова, А. Е./Снесарева, Н. В. Ханыкова и др., многих статей и работ (по отдельным вопросам истории востоковедения, в том числе фундаментальных трудов историографического характера)¹⁵.

¹⁵Например, шесть выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953—1963), «Очерки истории изучения ислама в СССР» (1954), «Лазаревский институт восточных языков» (1959), «Изучение древней истории Ближнего и Среднего Востока в Советском Союзе» (1961), «Изучение мертвых иранских языков в России и СССР» (1962), «Востоковедение в Советском Азербайджане» (1964), «Изучение Ближнего Востока в России. XIX—начало XX в.» (1968), «Тюркская филология в СССР. 1917—1967» (1968), «Арабистика в СССР» (1969), «Востоковедение в Ленинградском университете» (1970), «Из истории советского востоковедения. 1917—1967» (1970), «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР» (1972), «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (1972), «Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете» (1972), «Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период» (1973), «Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения» (1973), «Очерк истории изучения турецкого языка» (1976), «Очерки истории русского востоковедения» (1977), «Ленинградский восточный институт» (1977) и др.

Переизданы работы по истории востоковедения В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, издаются воспоминания ученых-востоковедов.

Стали достоянием ученых и широкого круга читателей капитальные издания: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (1974) и «Биобиблиографический словарь советских востоковедов» (1975). Оживляется и востоковедная библиография. Опубликованы такие труды, как «Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография» (1966), «Аннотированная библиография трудов В. Бартольда» (1976), «Библиография Индии» (а также Афганистана и Ирана) и др.

И в республиках Средней Азии, в том числе в Узбекистане, появились работы по истории дореволюционного и послеоктябрьского востоковедения применительно к данному региону: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане» (1958), «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность» (1962), «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» (1965), «Очерки истории этнографического изучения казахского народа» (1966). Очерки о многих востоковедах, чья научная деятельность тесно связана со Средней Азией, содержатся в «Историографии общественных наук в Узбекистане (Биобиблиографические очерки)» (1974), «Биобиблиографических очерках о деятелях общественных наук Узбекистана» (I книга — 1976, II — 1977) и др.

И советское востоковедение, прошедшее шестидесятилетний путь своего развития, путь большой, сложный и плодотворный, конечно же, также имеет право на осмысление своей истории и предыстории, на историографический их анализ.

Учитывая сказанное, нельзя не признать крайне желательным создание очерков о крупных востоковедах до- и послереволюционного времени, жизнь и деятельность которых еще ждет подробного и всестороннего освещения.

Общепризнано, что из числа отечественных востоковедов до-революционного времени никто не сделал так много для изучения историко-культурного прошлого Средней Азии, как В.В. Григорьев, его ученик Н. И. Веселовский и ученик последнего В.В.Бартольд, с учетом, конечно, разномасштабности их заслуг перед наукой.

И поныне, спустя более шести десятилетий после его кончины, некрологические очерки о нем В.В.Бартольда, Н.Печенкина и Б.В.Фармаковского, написанные в 1918 г. и опубликованные в 1921 г., остаются единственными, в которых ставилось целью охарактеризовать наиболее существенные черты облика Веселовского — ученого и человека¹⁶.

В дальнейшем, кроме кратких биографических сведений в энциклопедических и других справочных изданиях и отрывочных данных в публикациях разных авторов, мы не найдем ни одной специальной сколько-нибудь обширной публикации, посвященной жизни и деятельности Веселовского, помимо более или менее пространных сведений о нем как археологе, в связи с критикой его раскопчной деятельности (А.Ю.Якубовский, В.А.Шишкин и др.)¹⁷.

Так или иначе остается непреложным фактом: жизнь и деятельность видного востоковеда и крупного специалиста по истории культуры Средней Азии Николая Ивановича Веселовского по сути почти выпали из поля зрения советской востоковедческой историографии, хотя в литературе самого последнего времени нет недостатка в признании его заслуг как видного исследователя истории Востока, в том числе Средней Азии.

¹⁶Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки.— ЗВОРАО, т. XXV, 1921, с. 337—355; Печенкин Н. Памяти Н. И. Веселовского.— Там же, с. 356—358; Фармаковский Б. В. Н. И. Веселовский — археолог.— Там же, с. 359—386 (см. также: Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог (1848—1918).— Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. XIII, № 9, 1918, с. 809—816).

¹⁷См. приложение 5 к данной книге. Также: Литература о Н. И. Веселовском. — В кн.: Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Составитель Б. В. Лунин. Ташкент, 1974, с. 136—137.

Одним из ярких представителей отечественной школы истории восточных стран (основание которой связано с учреждением в 1863 г. кафедры истории Востока на факультете восточных языков Петербургского университета) и выдающимся ученым назвал Н.И.Веселовского академик А.Н.Кононов¹⁸, относя его еще и к такому направлению отечественного востоковедения, как изучение восточных источников для освещения истории народов России (Френ, Казембек, Григорьев, Розен, Бартольд, Тизенгаузен)¹⁹. Другой современный автор относит Н. И. Веселовского к числу ученых, «положивших начало изучению прошлого и настоящего тюркских народов»²⁰. Известным «историком Средней Азии, крупным археологом, исследователем русских архивов — статейных списков московских послов» именуется Веселовского Б.М.Данциг²¹.

В печати поднимается вопрос о необходимости подготовки и издания специального очерка о жизни и деятельности Н.И.Веселовского: «Хорошо, если у нас будут популярные книги... о Н.И.Веселовском, но еще нужнее его научная биография»²².

Автор данной книги и ставил целью в меру своих сил и возможностей восполнить этот пробел хотя бы в плане освещения деятельности Н. И. Веселовского применительно к изучению Средней Азии.

Убежденность автора в полезности и необходимости такой работы обусловлена и тем соображением, что, когда речь идет о крупных и типичных для своего времени ученых, их биографии выступают не в роли частных фактов их жизни и деятельности (небезынтересных и

¹⁸Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, с. 3 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР); Он же. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 4.

¹⁹Кононов Н. А. История изучения тюркских языков..., с. 39.

²⁰Желтяков А. Д. Изучение истории Турции.—В кн.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, М., 1972, с. 428.

²¹Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973, с. 251.

²²Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии.— «Советская археология», 1975, № 4, с. 10.

примечательных самих по себе), а в качестве существенных материалов к характеристике того или иного этапа развития истории отечественной науки.

И в этом плане нельзя не признать желательным появление историографических очерков о жизни и деятельности Н.И.Веселовского, тем более, что публикации, характеризующие Веселовского как востоковеда и его заслуги перед отечественным туркестановедением, давно перешли в разряд библиографических редкостей. Многим исследователям известны лишь отдельные публикации Н. И. Веселовского по тому или иному вопросу. Смутны и неполны (представления о его общем вкладе в науку, о его облике ученого, о его большом, в своей совокупности, вкладе в изучение Средней Азии, где он был одним из немногих первых специалистов-востоковедов, закладывавших фундамент наших знаний об этом обширном, исторически богатом крае. Между тем научное наследие Веселовского в той или иной степени не потеряло своего значения и сейчас. Процесс сложения и развития историко-востоковедческих изысканий по Средней Азии, историография вопроса не могут быть освещены в полной мере без того, чтобы не воздать должного пусть не всегда и не во всем «удачливой», но в целом несомненно плодотворной его деятельности.

И дело при этом отнюдь не в том, чтобы воздать должное памяти Веселовского в советской историографии.

Критический очерк его жизни и деятельности призван иметь не только познавательное, но и практическое значение.

Нельзя не согласиться с мыслью одного из современных историографов о том, что «в нашей литературе мы нередко встречаемся с недостаточным знакомством с работами предшественников. Бывает, что какая-нибудь плодотворная идея, высказанная достаточно давно, приписывается авторам последних сводок на данную тему...». Конечно,

«труды наших предшественников уже не удовлетворяют нас с методической стороны»²³ и добавим от себя, за большой устарелостью содержащихся в них данных и выводов. Но есть и другая сторона дела: в наше время, время быстрого движения вперед, накопления научных знаний и совершенствования приемов и методов изысканий исследователей, ученые, «работающие не один десяток лет, замечают, как быстро устаревают их собственные книги и статьи. Отсюда возникает представление о ценности исследований только нынешнего поколения ученых, о том, что все, сделанное в начале XX, а тем более в XIX веке, сейчас уже не имеет никакого значения. Так ли это?»²⁴. Конечно, нет.

Мы уже говорили о том, что судьба и время были неоправданно суровы к памяти о Н.И.Веселовском, и следует объяснить читателю причины этого, тем более, что данное обстоятельство вполне заслуживает именно историографического анализа.

Начать с того, что, востоковед по образованию, историк Востока (преимущественно Средней Азии), Н.И.Веселовский длительное время, вплоть до кончины, сочетал научно-востоковедческую деятельность с археологической. Раскопанные им в южных областях России курганные погребения и могильники содержали немало уникальных предметов древности первостепенного и первоклассного художественно-эстетического значения. По свидетельству акад.С.А.Жебелева, «здесь главным и на редкость счастливым деятелем оказался старший член [Археологической] комиссии покойный Н.И.Веселовский, открывший много исключительных по своему значению памятников греческой, римской и «скифской» старины»²⁵. Говоря словами самого Н. И. Веселовского, «всего более дал нам... юг, почва которого изобилует богатейшими произведениями классического

²³ Ф о р м о з о в А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии.— «Советская археология», 1975, № 4, с. 6.

²⁴ Там же, с. 6—7.

²⁵ Ж е б е л е в С. А. Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Пг.. 1923, с. 110.

мира», почему многие ученые «не могли не увлечься археологией и немало потрудились на этом поприще»²⁶.

Среди находок из раскопок Н. И. Веселовского встречалось немало золотых и серебряных изделий, пленявших воображение людей, не искушенных в науке, не только художественными достоинствами, но и материальной ценностью этих изделий. Наиболее выдающиеся из обнаруженных им предметов древности поступали на хранение и включались в экспозицию Эрмитажа и других крупных музеев.

Благодаря раскопкам, сведения о которых, помимо воли на то самого Н. И. Веселовского, приобретали в газетных сообщениях подчас весьма громкий характер, его имя много лет подряд не сходило со страниц периодической печати и было одним из наиболее известных широкой публике имен ученых дореволюционной России. В таких условиях существовало, образно говоря, как бы два Веселовских: популярнейший русский археолог и энергичный, но гораздо менее известный историк-востоковед. Первый оттеснял второго на задний план, держал его в тени²⁷.

«Многие представляют себе [Веселовского] по преимуществу археологом доклассового или раннеклассового общества, — пишет А. Ю. Якубовский. — Это глубокое заблуждение. Н. И. Веселовский по основной своей специальности — востоковед, к тому же историк»²⁸.

Но не только в этом заключалось отмеченное нами своеобразие жизни и деятельности Н. И. Веселовского и особенно своеобразие его посмертной судьбы.

Сколько бы ни₄₁была в общем полезна и важна для науки деятельность Веселовского-археолога, именно она (точнее сказать,

²⁶ История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. Составил действит. член Общества Н.И.Веселовский. Спб., 1900, с. 3.

²⁷ Прав А. Л. Монгайт, сообщающий данные о Веселовском в следующем порядке: «Веселовский Николай Иванович. История Востока, в частности Средней Азии. Историография востоковедения. Археология». (Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 396).

²⁸ Я к у б о в с к и й А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда.—Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л., 1940, с. 290.

раскопная практика) стала подвергаться суровой критике, во многом справедливой. Еще при жизни Н.И.Веселовского в его адрес начинали исходить из ученой среды упреки в поверхностном характере некоторых раскопок. Действительно. При всем несовершенстве в ту пору методики археологических работ, все же и тогда в России уже были известны исследователи, чьи работы по тщательности, всесторонней наблюдательности, вниманию к «мелочам» разительно отличались от раскопок Н.И.Веселовского, — например, ольвийские изыскания Б.В.Фармаковского.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда неизбежно началась переоценка научного наследия дореволюционной археологии, сопровождавшаяся быстрым качественным совершенствованием методики полевых исследований, раскопная практика Н. И. Веселовского стала объектом наиболее взыскательной критики, ибо она, пожалуй, в наибольшей степени отразила слабые стороны полевых работ б. Императорской археологической комиссии, старшим членом и деятельным сотрудником которой был Веселовский. С особой силой стал бросаться в глаза в известном смысле вещеведческий характер раскопок Н.И.Веселовского в конце XIX — начале XX в., допускавшиеся в ходе их совершенно очевидные небрежности, отсутствие должной фиксации (подробных дневниковых записей и описей) найденного, подчас пренебрежительное отношение к «второстепенным» находкам в погребальных комплексах. В ряде случаев оставляло желать лучшего научное осмысление и обобщение вещественных материалов и т. п. Некоторые стороны раскопной деятельности Н.И.Веселовского являли собой иллюстрацию к метким словам В.В.Бартольда о том, что «самый вредный для науки тип раскопок — раскопки с музейными целями»²⁹.

²⁹ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. // Известия Российской Академии наук, сер. VI, т. XV, 1921, с. 211 (Сочинения. т. VIII М. 1973, с. 388).

Иными словами, археологическая деятельность Н. И. Веселовского рассматривалась порой без должного учета условий и обстановки того времени, сложившегося уровня научных знаний, социальной среды, в которой Веселовский формировался как археолог.

Нельзя было также игнорировать цикл научных публикаций Н. И. Веселовского, посвященный ряду памятников древности из раскопок, веденных им лично или другими лицами. Среди этих публикаций немало вдумчивых исследований, содержащих ценные и во многом верные наблюдения и выводы, не утратившие своего научного значения и в наши дни. Что же касается «вещеведческого» уклона некоторых публикаций Н. И. Веселовского, то уместно заметить, что современный исследователь А. Л. Монгайт, характеризуя достоинства и недостатки дореволюционной русской археологии, констатирует, что в ней «было и вещеведческое направление, отнюдь не «барское вещелюбование», а научное направление исследования археологических данных, которое важное значение придает вещи как историческому источнику»³⁰.

Характерно, что наиболее резкие упреки в адрес Н. И. Веселовского — «типичного представителя дворянской археологии», «откровенного кладокопателя» и т. п. — звучали в 20—30-е годы, когда шел процесс становления советской археологии, ломки старого, напряженных поисков нового, закономерного осуждения всего, что было неприемлемым в наследии буржуазно-дворянской археологии, сужало роль археологии в широком познании истории человечества. Понятие «вещь — исторический источник» обрастало новым значением, сам подход к изучению «вещей» обретал новую методику и методологию, а «вещеведение» как таковое, в его первоначальном и

³⁰ Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии. // «История СССР», 1963, № 4, с. 75.

узком смысле, решительно отвергалось как вредное и пережиточное явление «старой археологии».

Все это было делом естественным. Без критического подхода к наследию прошлого нельзя было вывести археологию на новый, широкий путь развития как область знаний, призванную служить делу исторической науки, делу освещения с позиций диалектического и исторического материализма многовековой истории человечества периода докапиталистических формаций.

Но, как порою бывает, становление нового не обходилось без некоторых временных издержек, без отдельных перегибов и крайностей. Это как раз и не замедлило сказаться на отношении к Веселовскому-археологу, тем иначе, что поводов к критике в его адрес было, вообще говоря, достаточно.

Добавим, что положение дел с критикой деятельности Веселовского-археолога осложнилось еще и тем, что в 30-х годах и несколько позже, под влиянием последствий культа личности, в литературе вопроса серьезный историографический анализ деятельности ряда дореволюционных археологов стал подменяться упрощенными и огульно отрицательными суждениями о них, попытками рисовать деятельность таких, скажем, археологов, как А. С. Уваров и другие, «нередко только черными красками», забывая, что «мы не вправе требовать от ученых XIX в. того, что стало достоянием современной научной тематики»³¹.

Все это не могло не усугубить односторонности критических экскурсов в адрес Н. И. Веселовского как археолога, не могло не вести к определенному умалению его несомненных и, для своего времени, существенных заслуг перед отечественной археологией. Так и после смерти Н. И. Веселовского, но уже в другой плоскости и в другом аспекте, его деятельность в качестве археолога отодвинула (в сфере

³¹ Ф о р м о з о в А. А, Очерки по истории русской археологии М., 1961, с. 7, 86.

историографических изысканий) на второй план его большую и плодотворную деятельность как востоковеда, а также как историка русской науки и видного организатора научной работы. В этом отношении имя Н. И. Веселовского оказалось в какой-то степени забытым.

В беседе с автором этой книги один из востоковедов высказал мнение, что «забвение» Веселовского как востоковеда может быть объяснено еще и тем, что уже до революции его имя и труды все больше и больше бледнели и отходили на второй план в сравнении с именем и трудами выдающегося востоковеда нашего времени Василия Владимировича Бартольда — одного из учеников Веселовского. Могучая фигура ученика затмила фигуру учителя, ученика, которого в наши дни И. П. Петрушевский с полным основанием назвал «великим русским и советским историком-медиевистом»³². В этом есть доля истины, но именно только доля, ибо было бы неправильным и явно субъективистски ограниченным сводить дело лишь к вопросу «ученик и учитель». Это было бы несправедливо по отношению и к учителю, и к ученику.

Ученик действительно превзошел учителя (и в данном конкретном случае, и в деле познания исторического прошлого Средней Азии). Явление, отнюдь не единичное в истории науки, свидетельствующее, что семена, бросаемые талантливыми и авторитетными учителями на благодатную почву, дают нередко всходы, превосходящие ожидания, что в науке делается новый, более крупный, чем ранее, шаг вперед.

Но умаляет ли это заслуги учителя? Разумеется, нет. Поучительно, что среди отзвуков в печати на смерть Н. И. Веселовского наиболее обстоятельный, взыскательно-объективный принадлежал В. В. Бартольду. Ученик чтит память одного из своих учителей, воздавал

³²Петрушевский И. П. Предисловие [к работе В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»]. — Бартольд В. В. Сочинения, т. I. М., 1963, с. 23.

должное его крупным заслугам перед наукой. Таким образом, очевидно, что объяснение причин забвения заслуг Веселовского-востоковеда надо искать в другом. Это объяснение действительно будет связано с именем В. В. Бартольда, но уже в другом, отнюдь не субъективном плане.

Веселовский олицетворял одно направление в науке, Бартольд, во многом, уже другое, новое и более прогрессивное. Шел закономерный процесс смены одной научной школы, одного научного направления другим. В этом суть и в этом основной ответ на поставленный выше вопрос.

В востоковедении шел процесс специализации знаний и постепенно если и не исчезал, то сокращался универсализм в интересах и направленности работ, бывший столь характерным для востоковедов времени Григорьева и Веселовского и уже в значительно меньшей степени для времени Бартольда. На новую, более высокую ступень поднималось источниковедение, все шире вступала в свои права восточная филология как отрасль, требовавшая высокого совершенства в знании языков и наречий в динамике их развития.

Одним из ярчайших представителей этого, в значительной мере нового (и во всяком случае существенно отличавшегося от прежнего) направления и суждено было явиться В. В. Бартольду.

Пройдут годы, и Веселовский же напишет отзыв на работу В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России», согласно которому Бартольду была присуждена в 1913 г. большая золотая медаль Русского археологического общества.

И тем не менее ближайшим учителем Бартольда суждено было быть не Веселовскому, а В. Р. Розену— «основателю новой школы русского дореволюционного востоковедения, любимого учителя Марра, Бартольда, Ольденбурга, Коковцова»³³.

³³ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.— Л., 1950, с. 3.

Добавим к сказанному, что начальные этапы формирования и развития советского востоковедения, естественно, не были отмечены появлением крупных, специально историографических работ с критической оценкой достоинств и недостатков дореволюционного востоковедения, а тем более отдельных его представителей³⁴. Для этого требовалось время, накопление и изучение соответствующих материалов, зрелость историографической мысли, наличие соответствующих исследовательских кадров. Нельзя не учесть, в этом плане, еще и крайне неблагоприятных для историографии востоковедения и других общественных наук последствий культа личности.

Историографические исследования не получали должного развития и в Средней Азии, с изучением историко-культурного прошлого которой прежде всего связано имя Н. И. Веселовского.

Особенно досадным было отсутствие научной характеристики Н. И. Веселовского как историка Средней Азии, ибо в основе его востоковедческой работы лежала прежде всего не история Востока вообще, а именно среднеазиатская тематика, к которой он тяготел и приобщился еще на студенческой скамье и интерес к которой сохранял всю свою долгую кипучую жизнь. Поучительно, что первая и последняя по времени прижизненные научные публикации Н. И. Веселовского посвящены Средней Азии.

Как мы показали это в начале книги, положение дел в историографии стало ощутительно изменяться к лучшему с начала 50-х годов.

. К последней четверти XIX в. русское востоковедение прошло большой и значительный путь развития, выделило ряд имен крупных ученых, которыми по праву могло гордиться. Редко кто из них обходил вниманием Среднюю Азию, посвящая ей отдельные труды и работы,

³⁴ Широко известная работа И. Ю. Крачковского «Очерки по истории русской арабистики» появилась в свет в 1950 г. Опубликованная в 1945 г. ея книга «Над арабскими рукописями» носила не столько историографический, сколько мемуарный характер.

многие из которых вошли в анналы туркестановедения и оставили по себе долгий и прочный след.

Достаточно вспомнить здесь имена И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Григорьева, В. В. Радлова, П. И. Лерха, П. С. Савельева, О. И. Сенковского, Х. Д. Френа, Н. В. Ханыкова и других.

Шел (а вернее начинался) более или менее ощутительный (а в общем недостаточно организованный и довольно медленно развивающийся) процесс собирания, каталогизации и изучения восточных рукописей, в том числе среднеазиатского происхождения, содержащих сведения о ней и ее истории³⁵.

Но тут же надо констатировать, что таких рукописей, изученных и переведенных, введенных в научный обиход, было немного. Здесь вырисовывались лишь контуры того богатства, которое еще предстояло сделать достоянием науки и общественности.

Совокупность различного рода сведений и материалов и уже появившиеся в свет труды ученых и краеведов-любителей давали общее, но далеко не полное и во многом неточное представление о богатейшем историческом прошлом Средней Азии, особенно когда речь шла об отдаленном прошлом, о ранних этапах истории этого обширного края. Оно скорее угадывалось, инстинктивно нащупывалось, нежели освещалось научно в соответствии с данными источников.

Такой важнейший источник к познанию древней истории Средней Азии, как археология, находился' буквально в зачаточном состоянии.

Вот, по сути дела, все или почти все, что имела в своем распоряжении отечественная археология того времени по Средней Азии³⁶.

Историко-архитектурные памятники Средней Азии, в первую очередь величественные сооружения Бухары, Самарканда и некоторых

³⁵ Подробнее см.: Лу н и н Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, 408 с.

³⁶ В лучшем положении находилась среднеазиатская нумизматика.

других городов пользовались заслуженной и широкой известностью. Их изображения вместе с отдельными сведениями о них путешественников и других лиц имели широкое распространение не только в России, но и в других странах.

Все сказанное убедительно показывает, какое обширнейшее поле деятельности представляла Средняя Азия для востоковедов и в сфере археологии и истории, и в сфере истории архитектуры, филологии и других областей знания. Строго говоря, речь шла о начале *научного* обследования территории Средней Азии и изучения ее богатейшего, многовекового и многогранного исторического прошлого. Не то, чтобы Средняя Азия представляла собою *terra incognita*, но все же усилиями отечественных и иностранных востоковедов закладывался пока лишь фундамент знаний об этой огромной и своеобразной стране, вписавшей немало значительных и ярких страниц в историю Востока и более того — в определенной мере и в определенные периоды — мировую историю.

Не случайно, конечно, в условиях крайней ограниченности числа востоковедов со специальной подготовкой деятельность многих из них (это было как бы велением времени) характеризовалась многогранностью и энциклопедичностью научных интересов.

Для историографа здесь любопытное поле наблюдения. «Почти все востоковеды в прошлом, в силу сложности и слабой изученности исходного исследовательского материала, — были... учеными-универсалами, сочетающими в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка⁴⁹

Слишком многое, разнообразное, неизведанное, малоизученное манило к себе на каждом шагу исследователей Средней Азии.

Естественно, что и Н. И. Веселовский не составил здесь исключения. В сфере его научных интересов преобладали археология, история и историография, но в сочетании с нумизматическими,

эпиграфическими, этнографическими, лингвистическими и другими интересами.

Мы не хотим сказать, что на книжном рынке совсем нет работ в этом направлении. Они налицо, и количество их постепенно возрастает. От общеизвестных работ И.Ю.Крачковского²² и С.Ф.Ольденбурга тянутся нити к ценным историографическим публикациям. В.И.Авдиева, В.И.Беляева, М.Н.Боголюбова, А.К.Боровкова, И.С.Брагинского, Р.В.Вяткина, Б.Г.Гафурова, И.М.Дьяконова, А.Н.Кононова, В.А.Крачковской, М. Г.Левина, М.Е.Массона, И.П.Петрушевского, В.А. Ромодина, А. А. Семенова, Н. А.Смирнова, В.В.Струве, С.П.Толстова, Г.Ш.Шарбатова, И.И.Умнякова, А.Ю.Якубовского и других. А.Н.Кононову мы обязаны обстоятельной попыткой определить круг важнейших задач историографии востоковедения²³, исходя из того, что «изучение и популяризация истории отечественного востоковедения имеют не только важное научное значение, но и большое воспитательное значение.

Избирая новый путь, нельзя забывать путь пройденный, дабы не оставить без должного внимания то хорошее и полезное, что было в прошлом, и не повторить того, что было в прошлом плохого и ненужного»²⁴.

I. 2. БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ Б.В.ЛУНИНА – СВОЕОБРАЗНЫЙ РЕТРАНСЛЯТОР ОРИЕНТАЛИСТИКИ

Определенную роль в накоплении первичных знаний о Туркестане играли связи Туркестана с Русью и вообще с обширным славянским миром Восточной Европы, восходящие к весьма давним временам и в более ясной и определенной степени примерно к VIII—XI вв. н. э. Мы останавливаемся кратко и бегло на этой стороне дела в силу необходимости ответить на вопрос: когда именно началось относительно систематическое и непрерывное накопление русскими людьми первичных сведений и данных по Средней Азии и ее отдельным районам, сведений и данных, которые мы имеем основания рассматривать в качестве, так сказать, сырого и начального востоковедческого материала в донаучном значении этого термина.

Отвечая на вопрос, мы должны признать, что, собственно говоря, такого рода накопление первичных данных и ведет свое начало с посещения русскими людьми — послами и их спутниками, путешественниками, купцами и другими — различных районов Средней Азии, со времени установления контактов с представителями коренного населения Бухары, Хивы и других местностей.

Одним из лучших подтверждений такого положения дел может служить замечательное детище русской географии XVI в.— «Книга Большому Чертежу», в которой нашел свое прямое отражение накопленный к этому времени в русском государстве свод сведений по Средней Азии⁶⁰.

XVI—XVIII века, ознаменованные усилением русско-среднеазиатских связей, пройдут под знаком еще более быстрого и значительного накопления запаса различных сведений о Средней Азии.

Само собой разумеется, что авторы тех или иных ранних сообщений о народах Средней Азии отнюдь не осуществляли их в плане специального сбора сведений научно-востоковедческого характера. Тем не менее сложившаяся впоследствии отрасль научных знаний — востоковедение — с полным основанием включает в свои анналы значительную часть материалов этих сообщений, объективно вполне соответствующих целям и задачам первичных востоковедческих наблюдений и нередко содержащих в себе единственные в своем роде и драгоценные для науки данные.

Необходимо также отметить существенную особенность ранних известий русских людей о народах Средней Азии. Все они, как правило, фиксировали прежде всего современную им действительность среднеазиатских владений, сообщали сведения, относящиеся к тому, что непосредственно воспринималось их зорким и наблюдательным взором в области географии и природы, экономики и политики, общественного устройства, жизни и быта населения Бухары, Хивы и других районов Средней Азии.

В значительно меньшей степени они содержали в себе собственно исторические сведения, т. е. сведения по истории тех народов и местностей, которые посещались посланцами России и выходцами из нее. В той мере же, в какой сведения эти все же находили себе место в их сочинениях, они или носили характер отрывочных, фрагментарных известий, нередко полулегендарного характера, или касались недавнего исторического прошлого описываемых районов, не содержа специальных экскурсов в глубь их далекого исторического прошлого.

И это понятно. Сбор и запись такого рода материалов, во-первых, не стояли на первом плане в сфере интересов русских путешественников (купцов, посланников, пленных и др.), во-вторых, требовали не случайных встреч с обыденными людьми, а с лицами, более или менее хорошо осведомленными касательно исторических судеб своей страны.

Русских же людей при всей их пытливости и любознательности интересовали, в первую очередь, общие сведения о посещавшихся ими местностях Средней Азии. Они стремились запечатлеть в своей памяти и сделать достоянием заинтересованных правительственных учреждений и отдельных лиц, своих соотечественников вообще данные о караванных и иных путях из России в неведомые земли, скажем, далекой Бухары, о населяющих их народах, их обычаях, уровне жизни, не говоря уже о специфических интересах того или иного путепроходца.

К тому же уровень и диапазон общеисторических познаний лиц, посещавших Среднюю Азию в XVI—XVIII вв. был, за редким исключением, весьма ограничен, тем более, когда речь шла об исторических судьбах народов малоизвестного, а порой и совершенно неведомого тогда Востока. Местных языков многие из этих лиц не знали или располагали знанием минимального словарного материала, облегчавшего ведение торговых операций, бытовое устройство и т. п.

Положение дел стало меняться здесь в основном с начала XIX в., когда в составе русских людей, посещавших Среднюю Азию, мы начинаем встречать людей с высшим образованием, специальной подготовкой, большой эрудицией, располагавших к тому же и каким-то общим запасом знаний о Средней Азии, почерпнутым из литературы, архивных источников, дипломатических документов и т. п. а также из известий русских путешественников в Среднюю Азию XVI—XVIII вв., которые за давностью времени стали для этого периода определенными и нередко очень ценными, а подчас и единственными в своем роде источниками, запечатлевшими ряд конкретных событий и конкретных особенностей жизни, быта и общественного строя народов Средней Азии. С первой половиной XIX в. связаны имена А. И. Бутакова, Н. Н. Муравьева, Н. В. Ханыкова и др.

Нельзя поэтому умалить значения и роли этапа накопления первоначальных знаний о Средней Азии. То был этап закономерный и необходимый, закладывавший первооснову более подробных и более точных знаний о Средней Азии последующего времени.

Не будем вдаваться здесь в детали вопроса, тем паче, что его освещение вполне заслуживало бы специальной монографии в дополнение и развитие появившихся в литературе подчас весьма обстоятельных отдельных публикаций дореволюционного и советского времени⁶¹.

Чуть позже радикально изменились возможности изучения историко-культурного прошлого и настоящего Средней Азии русскими учеными, востоковедами в частности, поскольку огромная часть Средней Азии (Туркестанский край) входила теперь в состав Русского государства, а Бухара и Хива оказались в вассальном от него положении.

Предыстория колониальных захватов царизма в Средней Азии освещена в недавней работе П. А. Халфина⁶⁹.

Среди публикаций периодической прессы того времени численно преобладали материалы чисто военного характера с описанием походов в глубь Средней Азии, сражений за Ташкент, Самарканд и другие города, военных эпизодов и т. п., причем лейтмотивом большинства таких публикаций было, естественно, восхваление «российского оружия», храбрости и выносливости солдат и офицеров, сражавшихся якобы лишь потому, что «для России не может быть мирного сосуществования и₅₄ прочной межи в среднеазиатских степях, пока волнуются эти дикие племена и не прекращаются их ордынские набеги. А потому желательно было бы, чтобы наши победы увенчались полным успехом, положив раз навсегда прочное основание нашему владычеству в Средней Азии»⁷⁷.

Как видим, обстановка, в которой приходилось осуществлять свою научную деятельность в Средней Азии дореволюционным востоковедам, являлась сложной и противоречивой..

Нам уже не раз приходилось отмечать в своих предшествующих работах наличие в отношении научных работ в Средней Азии двойственных настроений и тенденций колониальной администрации. С одной стороны, последняя не проявляла особого рвения к поощрению широких научных исследований востоковедческого характера в Средней Азии, особенно когда на посту туркестанских генерал-губернаторов оказывались «деятели» типа генерала Черняева и ему подобные солдафоны и ретрограды¹¹⁸. В самой среде ученых и краеведов власти не без оснований усматривали один из очагов свободомыслия, возможного проявления прогрессивных взглядов оппозиционного к официальной политике царизма характера. Приезжавшие в Среднюю Азию ученые вступали в контакт с представителями передовых кругов русской интеллигенции края. В возникших в Средней Азии научных обществах в большей или меньшей мере сказывалось влияние разночинских элементов.

Среди работавших в Средней Азии ученых - питомцев Петербургского, Московского и других университетов - нередко встречались люди, воспитанные в духе эволюционизма, дарвинизма, проявлявшие бескорыстное внимание и интерес к судьбам «инородцев».

Все это не могло не настораживать колониальную администрацию, которая к тому же вообще далеко не всегда осознавала действительную необходимость тех или других научных изысканий. Власти также отнюдь не считали желательным содействовать росту национального самосознания народных масс Средней Азии и, наоборот, опасались, что сколько-нибудь широкая пропаганда среди них исторических знаний, концентрация их внимания на памятниках старины («былого величия Туркестана») и т. п. может только обращаться в ущерб колонизаторской политике царизма.

Речь идет о другом. Сопоставляя общий облик и общую направленность русского и западного востоковедения, нельзя не видеть, что русскому востоковедению были присущи в целом большее внимание к социально-экономическим вопросам, более или менее (не говорим об исключениях) сочувственное отношение к народам Востока, настороженное, а порой и отрицательное отношение к крайностям колониального режима, шовинистическим действиям правительства, и в этом плане русские востоковеды во многом действительно стояли выше большинства своих западноевропейских коллег.

Причины этого понятны. В силу исторически сложившейся обстановки западноевропейскому востоковедению (восходящему ко времени ранней экспансии европейских государств в страны Востока) в большей мере, чем российскому было присуще колонизаторско-расистское мировоззрение, что нашло, в частности, свое яркое выражение в ставшем «классическим» противопоставлении культуры Запада культуре Востока (по известной киплингской формуле: «Запад есть Запад, Восток есть Восток»), «Объявляя восточные народы расово неполноценными, якобы искони отсталыми, не способными самостоятельно решать свою судьбу, являющимися будто бы лишь объектом истории, а не субъектом, буржуазное востоковедение всецело подчиняет изучение Востока колониальной политике империалистических государств»¹²⁹. Конечно, и в буржуазном востоковедении Запада существовали и существуют прогрессивные веяния, но мы говорим здесь о преобладающей тенденции.

И тут мы подходим к необходимости ответить на историографически исключительно важный вопрос: чем все же объяснить, в первую очередь, что в русском востоковедении, в том числе в сфере его среднеазиатских интересов, преобладали прогрессивные тенденции?

Ведь не секрет, что в среде дореволюционных русских востоковедов были, конечно, люди сугубо реакционных взглядов, видевшие в востоковедении «чистую» науку, свободную от «грязи политики»,

обращенную в прошлое. Это были люди, которые могли бы повторить слова С. С. Уварова (1810), что изучение Востока может «дать мудрое применение волнению умов», то есть отвлечь умы (как это правильно прокомментировал Бартольд) от более опасных наук¹³⁰.

Речь идет здесь и о представителях так называемого академического востоковедения. Некоторые из них (например, Беселовский) были близки к монархическим кругам России, другие (их было большинство) при всей своей «аполитичности» (Бартольд, Жуковский, Радлов, Розен) явно разделяли политические, исторические и философские концепции, характерные для буржуазных историков-идеалистов.

Следует согласиться с тем, что «наиболее существенной и значительной чертой русского востоковедения 19 в. является идейное размежевание в его рядах, по глубине не имеющее примера в современном ему западноевропейском и американском буржуазном востоковедении. Решающую роль в этом размежевании сыграло влияние на русских востоковедов революционно-демократической мысли в России»¹³¹.

Это тем более справедливо, если припомнить, что сами революционеры-демократы уделяли немало внимания истории чужих судьбам народов Востока. Не случайно, например, В. Г. Белинский включал рассмотрение отдельных работ востоковедов в свои знаменитые обзоры русской литературы, посвящал их трудам свои рецензии. Н. Г. Чернышевский (кстати сказать, изучавший восточные языки) и Н. А. Добролюбов с глубокой симпатией относились к поработанным народам мира, выступали против их угнетения колонизаторами, осуждали экзотическую идеализацию прошлого и настоящего стран Востока. По нашему глубокому убеждению, здесь необходим, однако, особый комментарий. В самом деле. Правильным ли, например, было бы прямолинейное утверждение, что идеи Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова оказывали непосредственное влияние и воздействие на Бартольда и Розена, а тем паче на Григорьева и Веселовского? Конечно, нет.

И нужно, как нам кажется, выделить еще один аспект во взглядах дореволюционных русских ученых-востоковедов на пароды Востока, конкретно — группы видных петербургских востоковедов, начиная с В.В.Григорьева, Н.И.Веселовского, В.Р.Розена и кончая В.В.Бартольдом и другими.

Что касается Средней Азии (Туркестанский край, Хива, Бухара), то такая отрасль науки, как востоковедение была представлена здесь преимущественно группой питомцев восточного факультета Петербургского университета (И. А. Беляев, М. Ф. Гаврилов, Е. Ф. Каль, А. Л. Кун, Я. Я. Лютш, Н. Н. Пантусов, И. П. Пашино¹⁴⁶, Н. О. Пиннэ, М. Н. Ростиславов, К. А. Тимаев).

И все же надо признать, что для востоковедения в Средней Азии продолжающееся преобладание влияния «старого», «академического» русского востоковедения (условно обозначим его в данном случае как влияние «бартольдовской школы») имела положительное значение, поскольку препятствовало проникновению идеологии казенного востоковедения эпохи империализма и ограничивало тенденции правящих кругов царской России к тому, чтобы поставить отечественное востоковедение на службу интересам русского империализма на Востоке. Оставалось фактом, что «прогрессивные демократические традиции сказались на деятельности таких выдающихся востоковедов, работавших и в советское время, как академики Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатский, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский., С. Р. Ольденбург, И. А. Орбели, В. В. Струве и др.»¹⁵⁴.

Нам остается добавить, что для характеристики направленности дореволюционных востоковедческих изысканий по Средней Азии исключительное значение имеет текст речи В. В. Бартольда о задачах русского востоковедения в Туркестане, предназначавшейся для произнесения в торжественном годовом собрании Академии наук 29 декабря 1914 г. и опубликованной в 1915 году, то есть за два года до революции¹⁵⁵.

Все, что говорилось В. В. Бартольдом о необходимости усилить внимание к изучению наиболее древних периодов в истории Туркестана, сочетая здесь археологию с языкознанием и свидетельствами письменных источников, касательно важности широких исследований остатков древних городов края, выяснения древних связей Восточного Туркестана с Западным и т. д.,— было, конечно, и обоснованно и справедливо.

Вместе с тем не может не броситься в глаза, что даже с четом всего сказанного выше, в конечном счете налицо относительно узкое понимание В. В. Бартольдом задач русского востоковедения в Туркестане. Кое-что шло здесь, конечно, за счет существовавшего тогда уровня научных представлений о древнейшем прошлом края. Сам В. В. Бартольд отмечал, что наши знания в области «доисторической археологии» Туркестана исчерпываются находками близ Аннау. Но главное коренилось, конечно, в исторически обусловленной ограниченности взглядов Бартольда — одного из блестящих, наиболее эрудированных и в целом прогрессивно настроенных русских востоковедов, но востоковедов буржуазной школы, буржуазного мировоззрения¹⁶².

В самом деле. На первый взгляд, очерченный В. В. Бартольдм круг задач русского востоковедения в Туркестане, подкупает своей многогранностью, но при ближайшем рассмотрении убеждаешься, сколь неполно и ограничительно определены в действительности эти задачи, очерченные в историко-культурном плане и не без налета буржуазного культуртрегерства.

Достаточно в качестве примера указать, что В.В.Бартольд явно недооценивал задачи изучения вековых корней, «предыстории» связей с древнейшим автохтонным населением края современного ему таджикского, узбекского (узбекского, как всегда писал сам В. В. Бартольд) и других народов Туркестана.

Конечно, можно было бы, как говорится, быть признательным В. В. Бартольду и за то, что он не обошел вниманием (как это могли бы сделать

некоторые из его современников-востоковедов) необходимость изучения таджиков и узбеков, которые, по словам В. В. Бартольда, «не сохранив ни чистоты языка, ни «первобытности» нравов... в то же время не дали миру даже тех культурных ценностей, как другие народы мусульманской Азии, жившие при более счастливых условиях вдали от постоянных нашествий степняков» (говорить об ошибочности этих слов В. В. Бартольда не приходится). В целом же предлагавшийся В. В. Бартольдом круг вопросов не выходил, как сказано, за рамки «академических» задач буржуазного востоковедения и был обращен, преимущественно, в прошлое. Когда же Бартольд касался задач изучения современного «быта и литературы» народов Средней Азии, то даже признавая, что оно «не было бы бесплодно ни для практических задач русской культуры, ни для понимания жизни мусульманского мира в целом». В. В. Бартольд считал такое изучение (правда, с оговоркой—«на первый взгляд») и *менее привлекательным и плодотворным* (курсив наш.— *Б. Л.*).

И во всяком случае В. В. Бартольд не призывал исследователей сконцентрировать свое внимание на широком изучении процессов культурного развития современных народов Туркестана в период после присоединения Средней Азии к России. Оставляя в стороне В. В. Бартольд и изучение последствий влияния передовой русской культуры на культуру, язык и быт местных народов¹⁶³, вопросы изменений в жизни последних в процессе проникновения в край капиталистических отношений.

В. В. Бартольд, как видим, не считал также достойной задачей проследить развитие общественно-политической, философской мысли народов Средней Азии нового времени, проанализировать зарождавшиеся в их среде общественно-идейные» политические течения, основные этапы национально-освободительного движения в Туркестане. Опускал В. В. Бартольд и многое другое в области социальной, экономической и культурной истории и жизни народов Туркестана, без чего программа востоковедных изысканий в Туркестане не могла явиться достаточно полной

и целеустремленной. В этом плане уместно подчеркнуть, что общим и особенно серьезным недостатком дореволюционного русского востоковедения являлось слабое внимание, уделявшееся им жизни современных ему стран Востока и народным движениям в этих странах. Характерно, что и в статье о ближайших задачах изучения Туркестана, опубликованной уже в 1922 г., В. В. Бартольд не вышел из круга того понимания этих задач, какое фигурировало в его речи 1915 г. Как уместно в связи с этим вспомнить ленинское указание, что даже те из старых специалистов, которые искренне хотели работать в новых условиях, при Советской власти, были «полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим... буржуазным обществом»¹⁶⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря словами С. Ф. Ольденбурга, русским ориенталистам хотелось «проникнуть с «ножом анализа» в те тайны (народов Востока), которые для десятков миллионов людей в течение многих веков были святая святых, узнать эти тайны и объяснить себе, что же собственно в них заключалось»¹⁴.

А. Н. Кононов перечисляет, например, ряд имен выдающихся отечественных востоковедов, о жизни и деятельности которых мы до сих пор не имеем монографических исследований, имен востоковедов, «ждущих еще своих биографов, несправедливо забытых», а равно и имен востоковедов, не отмеченных даже скромными некрологами¹⁵.

Уже к 30-м годам обозначились серьезные успехи молодого советского востоковедения, отмеченные появлением ряда ценных работ и исследований. Было положено, в частности, начало работам обобщающего характера по истории народов Средней Азии в марксистско-ленинском освещении.

. Незаслуженно пострадали многие ученые- востоковеды, их работы изымались с книжных полок. «В 30-х годах были ликвидированы некоторые институты востоковедения и частично растеряны кадры высококвалифицированных ученых»¹⁹.

В 50-60-х годах исключительно широкий размах получила деятельность Института народов Азии АН СССР в Москве и его филиала в Ленинграде (бывший Институт востоковедения). В 1957 г. возникло крупное специализированное издательство восточной литературы (Москва). Оживилась востоковедческая работа в Баку, Тбилиси, Ереване, Душанбе, Ашхабаде, Ташкенте и других центрах союзных республик Востока. В ряды востоковедов все более широким потоком вливаются молодые ученые национальных республик страны.

Критически осваивая и развивая лучшие традиции русского востоковедения в области изучения истории и культуры, в частности литератур народов Востока, востоковедение закономерно уделяет все большее внимание изучению проблем и вопросов современной действительности в странах Востока. Международный размах приобретает публикация памятников, экспедиционная деятельность, исследовательские труды востоковедов.

Говоря словами С. Ф. Ольденбурга, русским ориенталистам хотелось «проникнуть с «ножом анализа» в те тайны (народов Востока), которые для десятков миллионов людей в течение многих веков были святой святых, узнать эти тайны и объяснить себе, что же собственно в них заключалось»¹⁴.

А. Н. Кононов перечисляет, например, ряд имен выдающихся отечественных востоковедов, о жизни и деятельности которых мы до сих пор не имеем монографических исследований, имен востоковедов, «ждущих еще своих биографов, несправедливо забытых», а равно и имен востоковедов, не отмеченных даже скромными некрологами¹⁵.

Уже к 30-м годам обозначились серьезные успехи молодого советского востоковедения, отмеченные появлением ряда ценных работ и исследований. Было положено, в частности, начало работам обобщающего характера по истории народов Средней Азии в марксистско-ленинском освещении.

. Незаслуженно пострадали многие ученые- востоковеды, их работы изымались с книжных полок. «В 30-х годах были ликвидированы некоторые институты востоковедения и частично растеряны кадры высококвалифицированных ученых»¹⁹.

В 50-60-х годах исключительно широкий размах получила деятельность Института народов Азии АН СССР в Москве и его филиала в Ленинграде (бывший Институт востоковедения). В 1957 г. возникло крупное специализированное издательство восточной

литературы (Москва). Оживилась востоковедческая работа в Баку, Тбилиси, Ереване, Душанбе, Ашхабаде, Ташкенте и других центрах союзных республик Востока. В ряды востоковедов все более широким потоком вливаются молодые ученые национальных республик страны. Критически осваивая и развивая лучшие традиции русского востоковедения в области изучения истории и культуры, в частности литератур народов Востока, востоковедение закономерно уделяет все большее внимание изучению проблем и вопросов современной действительности в странах Востока. Международный размах приобретает публикация памятников, экспедиционная деятельность, исследовательские труды востоковедов.

В.В.Бартольд, считалось, что «изучать старинную культуру и охранять памятники Средней Азии не только не полезно, но и вредно»¹¹⁹.

С другой стороны, сама жизнь властно обуславливала необходимость научных исследований, ибо «интерес к изучению Востока во второй половине XIX в. значительно усилился в связи с ростом колониальной политики европейских держав, а также агрессивной внешней и внутренней политикой царизма вовлечением в состав России новых территорий Средней Азии, втягиванием в русло общероссийского экономического развития»¹²⁰.

На Среднюю Азию с успехом могли бы быть распространены слова русского востоковеда О.М.Ковалевского (1800— 1878) касательно восточной половины Азии, что это «еще во многом малоизвестная страна... При всех усилиях ориенталистов, география и история,— в пространном своем значении, еще не обработана так, чтобы могла присоединиться к истории, всеобщей нами называемой, между тем, как взгляд на оную представляет нам ход человечества, медленно, но теми же путями продвигающегося в успехах, что и в других частях света», почему перед нами и здесь предстала «поистине страна любопытная, достойная внимательного взора Европы»¹²².

Виднейший русский востоковед И.Н.Березин писал: «Средняя Азия, кроме политического и торгового интереса, представляет, можно сказать, неиссякаемый интерес ученых здесь... в обществах человеческих происходят, и притом уж гораздо чаще, нежели в самой природе, революции и столкновения... судьба окружила эту огромную область особенными препятствиями и трудностями и как бы умышленно закрыла ее от европейской любознательности»¹²³.

Вспомним здесь и слова другого крупного востоковеда А.К.Казембека, относящиеся к 1864 г.: «Когда восприсветится Восток — это первое отечество наше, колыбель человечества, это место рождения света? Когда в нем возродится цивилизация? Когда это будет, не знаем, но и Восток и Азия составляют огромную часть разумного мира, там таится дух цивилизации...»¹²⁴.

А по словам известного востоковеда-нумизмата В.Г.Тизенгаузена, было «необходимо возможно полное историко-географическое изучение [Туркестана], имеющее высокое значение не только для археологии, но и для современного возрождения края, которому, как кажется, суждена блестящая будущность на нашем Востоке»¹²⁵.

«В состав России и Средней Азии.., - подчеркивал В. В.Бартольд,— вошли области древней культуры, через которые когда-то проходили первостепенные по своему экономическому и культурному значению торговые пути из стран Дальнего Востока в Переднюю Азию и в Европу»¹²⁶.

С удовлетворением можно отметить, таким образом, что в истории востоковедческих работ в Средней Азии в целом преобладали не узко эгоистические цели⁶⁵ обслуживания практических интересов правящих классов России, а глубокая научная заинтересованность отечественных исследователей историческими судьбами народов Средней Азии, стремление осуществить свой вклад в анналы мирового востоковедения, добиться достойного места отечественного востоковедения в деле изучения вошедшей в состав России огромной территории Средней Азии. Мы не хотим сказать

этим, что объективно труды востоковедов не служили интересам российской буржуазии; нет, в ряде случаев они несли и такую функцию, но во всяком случае субъективно не сознававшуюся теми передовыми учеными, которых влекла сюда искренняя заинтересованность в изучении края. Последнее обстоятельство не устраняло, конечно, того положения, что и либерально-прогрессивные настроения русских буржуазных востоковедов имели свою социальную подоплеку. Как бы ни отрицали они (подобно, например, Бартольд) свою «причастность к политике», остается фактом, что вольно или невольно и они выражали буржуазно-либеральное направление в историографии, порожденное стремлением русской буржуазии к политической власти и к устранению препятствий, с которыми сталкивался капитализм в условиях существовавшей в царской России диктатуры класса помещиков и самодержавно-чиновничьих верхов¹²⁷.

Не будем касаться здесь конкретной истории развития востоковедческих изысканий на территории Средней Азии. Ее подробному рассмотрению посвящена и эта, и другие книги автора. Здесь не место также излагать общую историю русского востоковедения, тем паче, что она в известной мере освещена исследователями в ряде книг и работ. История эта имела свои светлые и темные страницы.

Говоря о прогрессивных тенденциях дореволюционного русского востоковедения, мы не хотим сказать этим, конечно, что по своей социальной природе оно было в корне отлично от востоковедения западноевропейского. Это было бы ничем не оправданной модернизацией, вредной идеализацией старого русского востоковедения. Дореволюционному востоковедению и России были в общем свойственны те же идеологические основы, что и западноевропейскому; и то и другое являли собой отрасль сначала дворянской, затем буржуазно-дворянской и буржуазной науки.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Каримов И. Юксак маънавият – енгилмас куч.- Т.: Маънавият. 2008.
2. Каримов И.А. Тарихий хотира ва инсон омили буюк келажагимизнинг гаровидир. –Т., «Ўзбекистон», 2012 й.
3. Каримов И.А. Юксак маънавият - енгилмас куч. – Т., «Маънавият», 2008.
4. Каримов И.А. 2012 Ватанамиз тараққиётини янги босқичга кўтарадиган йил бўлади // Халқ сўзи, 2012 й. 20 январ.
5. Каримов И.А. Мамлакатимизда демократик ислохотларни янада чуқурлаштириш ва фуқаролик жамиятини ривожлантириш концепцияси. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Қонунчилик палатаси ва Сенатининг 2010 й. 12 ноябрдаги қўшма мажлисидаги маъруза. // Халқ сўзи, 2010 й. 13 ноябр.
6. Каримов И.А. Ўзбекистон мустақилликка эришиш остонасида. – Т., «Ўзбекистон», 2011й.
7. Ўзбекистон Республикаси Президенти И.А.Каримовнинг 2011 йилнинг асосий якунлари ва 2012 йилда Ўзбекистонни ижтимоий-иқтисодий ривожлантиришнинг устивор йўналишларига бағишланган Ўзбекистон Республикасининг Вазирлар Маҳкамасининг мажлисидаги «2012 йил Ватанамиз тараққиётини янги босқичга кўтарадиган йил бўлади» мавзусини ўрганиш бўйича ўқув қўлланма. –Т., «Ўқитувчи», НМИУ, 2012.
8. И.А.Каримов. Тарихий хотирасиз келажак йўқ. Т., «Ўзбекистон», 1998.
9. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенати, Ўзбекистондаги БМТ Тараққиёт⁶⁷ дастури. Ўзбекистон: Амалий қўлланма. Барқарор ижтимоий-иқтисодий ривожланишнинг ва инсон тараққиёти принципларини амалга оширишнинг парламент томонидан таъминланиши. 2011 й.
10. «Ўзбекистон – дунё ҳамжамиятида ўзининг муносиб ўрнига эга» //«Халқ сўзи». 2011 й. 4 октябр.

11. А к р а м о в Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе, 1963, с. 31—32.
12. Веселовский Николай Иванович. — Советская историческая энциклопедия, т. 3. М., 1963, стлб. 393.
13. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 245 и др. (№ 910, 987, 4079--4086, 4657, 8466, 10988).
14. Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М. 1981
15. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент. 1985.
16. Бунаков Е.В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX веке. М-Л. 1941.
17. Бартольд В.В. Ближнейшие задачи изучения Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX.
18. Бартольд В.В. История Туркестана (конспекты, лекции). Труды Туркестанского государственного университета, вып.2. Ташкент. 1923.
19. Бламберг И. Воспоминания. Центральная Азия в источниках и материалах XIX – начале XX веков. Самарканд, 1970.
20. Вамбери А. Очерки Средней Азии. Дополнение к путешествию в Среднюю Азию. М. 1868.
21. Зияев Х. Ташкент в XVIII – первой половине XIX века. (По данным русских историков) // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 4.
22. Зияев Х. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVIII-XIX вв. ташкент. 1983.
23. История Узбекистана в источниках. Составитель Б.В. Лунинг. Ташкент. 1984.
24. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958.

25. Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву (1716-1717 гг.) // Исторический журнал. 1940. № 7.
26. История Узбекистана в источниках. (Известия путешественников географов и ученых XVI-первой половины XIX вв.). Ташкент. «Фан», 1988.
27. Исхаков Файзулла. Национальная политика царизма в Туркестане (1867-1917 гг.). Ташкент. «Фан», 1997.
28. Йўлдошев М.Й. XVII-XVIII асрларда Бухоро-Россия элчилик муносабатлари. Т., 1961.
29. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII- 80-е годы XIX века». М. 1984.
30. Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, с. 6, 19 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
31. Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. 1895—1917. Ташкент, 1958, с. 29—31.
32. Лунин Б. В. История и древности Туркестана в Трудах Всероссийских археологических съездов.— ИМК2, Вып. 6. Ташкент, 1965, с. 201—220.
33. Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, с. 189- 190.
34. Марков С.Н. Вечные следы. Книга о землепроходцах и мереходах. М. 1973.
35. Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917. Обзор архивных документов. Составили А. Х. Торфункель, Л. А. Никулина, С. Н. Семенов. Л., 1961.

- 36.Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская Буржуазия. М. 1949.
- 37.Саидкулов Т.С. Самарканд во второй половине XIX – начале XX веков. Самарканд, 1970.
- 38.Урунбаев А., Хафизии Абуру, Хайдар Мирза, Филипп Евремов. Ташкент. 1964.
- 39.Фахнер М.В. «Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке». М. 1952.
- 40.Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965,с.4-6.
- 41.Формозов А. А Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 7, 8.